

Человек и власть

в эпоху русского
средневековья

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка им. В. В. Виноградова

Человек и власть в эпоху русского Средневековья

Материалы международной конференции
«Человек и власть в эпоху русского Средневековья»
23–25 ноября 2023 г.

Москва
2024

УДК 811.161.1
ББК ШЗЗ(2=411.2)4; ТЗ(2)42
ЧЗ9

Редакционная коллегия:

Ф. Б. Успенский (Россия, Москва, отв. редактор)

А. А. Преображенская (Россия, Москва), А. Г. Флорес (Россия, Москва)

ЧЗ9

Человек и власть в эпоху русского Средневековья: Материалы международной конференции «Человек и власть в эпоху русского Средневековья» 23–25 ноября 2023 г. — М.: ИРЯ РАН, 2024. — 82 с.

В сборник вошли материалы участников международной конференции «Человек и власть в эпоху русского средневековья» (23–25 ноября 2023 г., Москва), организованной Лабораторией древнерусской культуры РАНХИГС (в рамках проекта «Человек и власть в эпоху русского средневековья» в составе Научного центра мирового уровня «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала») совместно с Институтом русского языка им. В. В. Виноградова РАН. В центре внимания статей находятся различные вопросы взаимоотношений человека и власти в Средневековой Руси, такие как язык власти; образы и сюжеты, связанные с легитимностью власти, и их отражение в текстах и изображениях; приемы идеологической риторики; отношения человека и власти на разных уровнях и в различных сферах (при дворе, в повседневной жизни и т. д.); типы отношений «человек-власть» (патрон – клиент, царь – придворные, меценат – художник и т. д.).

DOI: 10.31912/chelovek_i_vlast-2023

© Коллектив авторов, 2024
© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2024

Содержание

- 5 **А. С. Глаголева (Москва, ИРЯ РАН)**
Функционирование слова *пожалуй* в памятниках деловой письменности и частной переписки XVII века
- 10 **В.-А. Ю. Дегтярь (Москва, РГГУ)**
Лев как символ княжеской и царской власти
- 16 **И. С. Добровольский (Москва, ИРЯ РАН)**
Одна модель для лексикографического описания славянской Библии
- 24 **А. П. Майоров (Москва, ИРЯ РАН)**
Российский колониальный дискурс XVII в. и средства его построения
- 30 **А. В. Мартынюк (Минск, Беларусь)**
Рыцарь Энгельбрехт Зоббе покупает замок, выбирает себе сюзерена и отправляется в рейзу против злых жестоких язычников
- 38 **П. Н. Новрузов (Москва, НИУ ВШЭ)**
«*Bis swað Alfred*». «Речения Альфреда» как памятник среднеанглийской словесности: его осмысление и проблемы перевода
- 44 **А. И. Попович (Екатеринбург, УрФУ)**
Царь vs мученик в политической культуре России раннего Нового времени
- 50 **А. А. Преображенская (Москва, РАНХиГС),
А. Г. Флорес (Москва, ИРЯ РАН)**
Поэт и его покровители: к вопросу социально-исторического контекста писем и посланий Симеона Полоцкого

58 **Я. А. Спасская (Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова)**
Монашеский постриг в семье Рюриковичей: особенности трансформации княжеского статуса

63 **М. О. Стражников (Москва, НИУ ВШЭ)**
Перевод скальдической поэзии: трудности передачи формы

69 **Д. А. Сусеева (Элиста, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова)**
Шерть XVII века калмыцкого тайши Аюки на верность русскому царю Алексею Михайловичу: структура жанра, лексические особенности в обозначении важных понятий и комментарии

77 **С. Ю. Шокарев (Москва, РАНХиГС)**
Некрополь Нагих в церкви Благовещенского погоста (XVI в.)

Однако степень изученности разных лексем отличается. Так, частице *пожалуй* уделено небольшое количество работ [например, Леонова 2013, Гатинская 2014, Скоринкин 2016], причем история ее возникновения детально рассмотрена лишь с XVIII в., в то время как в языке предшествующего периода, и особенно в XVII в., она использовалась довольно активно.

Переходя к рассмотрению функционирования *пожалуй* в языке XVII в., необходимо уделить внимание лексикографическому отображению данного слова. Так, в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» у глагола *пожаловати* выделены значения:

1. Пожалеть о ком-чем-либо. <...>
2. Выразить сожаление. <...>
3. Оказать какую-либо милость, благоденствие, пожаловать || Назначить на какое-л. место, должность (в качестве милости, награды). || Наградить за службу. || Объявить о пожаловании через какое-л. лицо. || Помиловать. <...>
4. Соизволить, пожелать сделать что-л. <...>
5. Прийти к кому-л., явиться куда-л. <...>
6. Высказать жалобу, пожаловаться [Словарь XI–XVII вв., вып. 16, с. 93–94].

Причем формы повелительного наклонения *пожалуй* и *пожалуйте* обозначены отдельно: «повел. в знач. частицы. *Пожалуйста* (для выражения вежливого обращения при просьбе, приказании)» [Словарь XI–XVII вв., вып. 16, с. 94].

Дальнейшая семантическая история этих форм и их отображения в словарях подробно рассмотрена Н. В. Гатинской [Гатинская 2014]. Она предположила, что форма *пожалуй* стала частицей еще в XVII в.:

...в лексикографических источниках XVIII в. слово *пожалуй* дано в словниках отдельно или представлено отдельной словарной статьей, следовательно, эта форма была лексикализована раньше – в XVII в. <...> В САР слово *пожалуй* квалифицировалось как *речение* <...>. Обычно в Словарях Академии служебные слова с модальным значением квалифицировались как наречия (*авось, очевидно, конечно*) или, реже, – как союзы (*будто*) [Гатинская 2014, с. 128, 134].

Рассмотрение истории частицы *пожалуй* именно в XVII в. интересно не только в связи с обозначенной выше цитатой, но и потому, что этот период развития языковой системы характеризуется увеличением количества письменной фиксации разговорного языка. Как отмечает С. С. Волков, «именно в эту пору интенсивно развивается живая “стихия общенародной речи”, которая сыграла определяющую роль в становлении русского национального литературного языка» [Волков 1974, с. 4]. И эта «стихия общенародной речи» отразилась в памятниках письменности, прежде всего, в грамотках и частных письмах, которые интересно сравнить с документами, имеющими формульный характер, – с челобитными, в аспекте функционирования в них слова *пожалуй* как средства языкового выражения просьбы.

Приведем некоторые примеры типичного словоупотребления *пожалуй*:

1. да **пожалви** гсдрь батюшка не держи меня без вести о своем многолѣтном здорове (А.В. Голицын В. В. Голицыну) [Московская письменность 1968, с. 27]
2. млердыи гсдрь црь и великийи княз Михаила Федорович всеа Русии **пожалуи** меня халопа своего вели гсдрь дати мне по них свою црскою грамоту что стати им на Москве в моих исках (Челобитная курченина сынчишки боярского Савки Иванова сына Еськова на Ефима Локтионова сына Себилева в бое и бесчестье) [Памятники южновеликорусского наречия 1990, с. 138]

В контекстах из памятников частной переписки отмечен ряд факторов, указывающих на глагольное употребление *пожалуй* в XVII в. Например, это возможность словоизменения:

3. **пожалзи** гсдрь Оёонасю Тихоновичю меня млстию своею заступи чтоб он **пожаловал** меня заступил а будет гсдрь Оёонасю Тихоновичю заступит меня невъмочь и он бы пожаловал отписал чтоб в Чебоџарех не задержали или куды в посылку не послали (Ф. Бородин дяде Василию Владимировичу) [Грамотки 1969, с. 12].
4. и **пожалуи** вели вперед писати ко мнѣ о своем здорове как тебя млсрдѣи влдко хранит а **пожалуеш** похощ вѣдат о мнѣ (В. Брехов Ф. В. Бородину) [Грамотки 1969, с. 16]
5. а про меня гсдрь **пожалзеш** изволишь спросит и я на Москвѣ в домѣ вашем (С. Безобразов А. И. Безобразову) [Памятники народно-разговорного языка 1965, с. 39]

В приведенных примерах при обращении пишущего к разным адресатам (3), либо к одному адресату, но с разными коммуникативными целями (4, 5), используются соответствующие контексту формы лица – такая вариативность не характерна для частиц.

Кроме того, вербализация просьбы могла осуществляться не только посредством традиционной формы совершенного вида:

6. да **жалзи** гсдрь пиши ко мнѣ да и к сродцам своим (П. Палицын Ф. В. Бородину), [Грамотки 1969, с. 26]
7. да **жаловал** гсдрь Оёдор Тихоновичь ко мнѣ њбогому о своем многолѣтном здорове (Ф. Бородин Афанасию Тихоновичу), [Грамотки, с. 13]

Нередки также случаи замещения формы *пожалуй* коррелирующими фразами:

8. Сдравствуи гсдрь мої млстивої приятель о Христе на веки і с праведными своїми детки і са всеми любящими тя приятеля моего челом бѣю гсдрь мої са твое **жалованье** что **жалуеш** по млсрдому своему приятству чиниш мне во всякихъ моїхъ несовершенныхъ бескончаемыхъ і наглыхъ расореньяхъ і нуждах (Ф. Зиновьев В. Т. Вындомскому) [НКРЯ]
9. а что **пожаловал** ты прислал ко мнѣ с Василем Ловушкиным рыбы и та рыба мнѣ отдана і а **на твоём жаловане** челом бѣю (В. Брехов Ф. В. Бородину) [Грамотки 1969, с. 15]

Представленные примеры иллюстрируют, что *пожалуй* осознается носителями языка той эпохи еще как слово, называющее действие, являющееся результатом просьбы. Но и в этих контекстах наблюдается десемантизация значения, приближающая глагольную форму *пожалуй* к словам с модальным значением (но все же не относящая к ним) и требующая употребления данной формы при полнозначном глаголе.

В челобитных же, ввиду строгой регламентированности языка официального документа, вариативность функционирования лексемы *пожалуй* значительно меньше. Однако обращает на себя внимание факт ее пропуска в отдельных текстах. Так, в оригинале челобитной крестьян патриаршего череповецкого Воскресенского монастыря архимандриту Александру, к которой сохранился черновик, не использовано слово *пожалуй* в фразе «государь архимандрит Александр, смилуйся», при этом в черновике оно присутствует, на что указывает сноска к изданию: «черновик заканчивается словами: Государь, смилуйся, пожалуй» [Крестьянские челобитные, с. 46].

Интересно изучить и то, как рассматриваемая лексема функционирует в пласте культуры XVII в. Так, если в деловой письменности употребление слова *пожалуй* регламентировано и традиционно, то в грамотках эта глагольная форма оказывается обязательной только в переписке между людьми разного социального положения (например, в письмах от крестьян к старосте; в этом плане такие письма сходны с челобитными), и близкого социального положения (но не состоящими в родственных связях):

10. да **пожалуйте** млстивые наши Иванъ Корниловичь да Тимоѡеи Оёдоровичь і всѣ мирские люди подумайте промеж собою і не покинте домишекъ наших (Грамотка

Бурмистру Ивану Корниловичу и земскому старосте Тимофею Федоровичу от кузнецов г. Шуи) [Грамотки 1969, с. 46]

11. **пожалуи** гсдрь Гаврило Онтипьевичь прикажи ко мнѣ писат о своем многолѣтном здорове какъ тебѣ гсдря моего милосердыи Хрестъ сохраняет а **пожалзеш** гсдрь пошош вѣдат про меня... (Г. Родионов Г. А. Воронину) [Грамотки 1969, с. 67]
12. Доброприятел мои Федор Василевич <...> і **пожалуи** пиши ко мнѣ впред о своем здорове (В. Брехов Ф. В. Бородину) [Грамотки 1969, с. 16]

При этом в переписке между родственниками довольно часто эта форма в тех же позициях пропущена: это наблюдается в грамотках, адресат которых находится выше в семейной социальной иерархии:

13. детем моим Петровым Якову и Ѳедору Петровичам ѿ мена вам мир <...> пишете ко мне ѿ своих здоровах и что у вас дееца (П. Непейцын детям Якову и Ивану) [Грамотки 1969, с. 47]
14. ѿ Михаила Панѳилевича жене моеи Авдоте от меня тебѣ з детми поклон я на Москвѣ за две недели до месленицы до воли бжии жив а впред Христос волен а ты свет моя Игнатъевна пиши ко мнѣ о своем здорове и о дѣтѣшках (М. П. Салтыков жене Авдотье) [Грамотки 1969, с. 60]
15. пиши Домна к нам смиренным о своем и дѣтеи своих здравіи а мы слышати желаемъ... да скажи от нас благословение Тимоѳею Савиновичю (Д. И. Неелов жене Домне Григорьевне) [Грамотки 1969, с. 119],

хотя есть и исключения:

16. Василѣи Иваови съоу моему Ѳедору Василвичу ... и т **пожалз** не плошись (Василий Иванович сыну Федору Васильевичу) [Грамотки 1969, с. 107]

При этом если адресатом грамотки является тот, кто стоит в семейной иерархии выше, то вежливое *пожалуй* обычно употребляется:

17. да **жалуи** гсдрь Михаило Панѳилевичь прикажи к нам писат про свое здаровѣ как тебѣ гсдря нашево московские чудотворцы хранят (М. П. Салтыкову от тещи, жены и сына) [Грамотки 1969, с. 55]
18. а **пожалуи** гсдрь дѣдушко Тихан Андрѣевичь побей челом не замѣшказ (Тихону Андреевичу от внука) [Грамотки 1969, с. 83]
19. да **пожаи** гсдрь Вавила Тихановичь кѣпи мнѣ крашенину на телогрею (Фрагмент письма В. Т. Вындомскому от жены и сына) [Грамотки 1969, с. 84]

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о том, что в XVII в. слово *пожалуй* функционирует еще как глагольная форма, хотя и несколько десемантизированная и выполняющая прагматическую функцию, а десемантизация происходит прежде всего в челобитных за счет формуляра и частотности употребления *пожалуй* в этих текстах, что можно считать отправной точкой в развитии современных частиц *пожалуй* и *пожалуйста*. Помимо этого, слово *пожалуй* является важным показателем вежливости во взаимоотношениях между членами разных социальных групп, в особенности в рамках семейных и деловых отношений.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Грамотки 1969 — Грамотки XVII – начала XVIII века. М.: Наука, 1969. 415 с.
- Крестьянские челобитные — Крестьянские челобитные XVII в.: из собраний Государственного Исторического музея. М.: Наука, 1994. 329 с.
- Московская письменность 1968 — Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М.: Наука, 1968. 338 с.

В.-А. Ю. Дегтярь

ЛЕВ КАК СИМВОЛ КНЯЖЕСКОЙ И ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

Аннотация

Статья посвящена символу льва в русской средневековой культуре и его связи с христианской семантикой. Автор исследует, как символическая культура христианства влияла на изображение власти в средневековом мире.

Ключевые слова

лев, средневековый символизм, славянский бестиарий, христианство, христианский символизм, власть, Физиолог

Изучение средневековой истории невозможно без знакомства с ее символической культурой. Эта область открывает способ мышления человека Средневековья: в вопросах теологии, искусства, понимания всего окружающего мира. В том числе символическая культура показывает, каким образом человек Средневековья воспринимал власть и взаимодействовал с ней.

Необходимо заранее отметить, что символизм средневековой мысли предполагал рассмотрение всякого предмета как изображения чего-то ему соответствующего в области духовного и вечного [Лихачев 1971, с. 175]. Слово означает вещь, а вещь, в свою очередь, означает некую другую вещь или даже несколько вещей [Махов 2017, с. 17].

История символического толкования окружающего мира тесно связана с историей распространения христианства, поскольку уже апостолы, а затем Ориген Александрийский осмыслили и истолковывали символически Ветхий и Новый Заветы – Слово, данное Богом человеку [Сафонова 2017, с. 178–179]. Но что еще было дано человеку от Бога – окружающий мир, божественное творение, которое также нуждается в экзегезе, как и священные тексты. «Расшифровка» символических значений и поиск связи между миром земным и духовным были предметом средневековых изысканий.

Цитирование: Дегтярь В.-А. Ю. Лев как символ княжеской власти // Человек и власть в эпоху русского Средневековья. М.: ИРЯ РАН, 2024. С. 10–15.

Светская символика льва неразрывно связана с символикой христианской, которая, в свою очередь, своими корнями уходит в ветхозаветную, греко-римскую и раннехристианскую культуры. Постараемся вкратце привести характеристику символа льва в контексте связанных между собой ветхозаветной и раннехристианской традиций, ограничившись информацией о том, что в греко-римской культуре лев неоднократно появляется в трудах первых натуралистов – Аристотеля, Плиния, Диоскорида, Элиана [Шарбонно-Лассэ 2017].

Наиболее важным источником по символике природного и животного мира является памятник раннего христианства, пришедший на Русь из Болгарии через византийскую церковную традицию – предположительно в X–XI в. – Александрийский Физиолог, популярный на Руси вплоть до XVII в. Физиолог – сочинение бестиарного типа, где каждой природной особенности зверя дается религиозное символическое аллегорическое истолкование [Сафонова 2017, с. 177–178]. Именно в тексте Физиолога лев впервые назван «царем зверей», после чего приводятся три свойства животного, уподобляющих льва Христу. Таким образом, представление о льве как о царе животного мира приходит на Русь из раннехристианских представлений об этом звере, которые, в свою очередь, основываются на библейском сопоставлении Иуды, сына Иакова (чьими потомками будут цари Давид и Соломон, а после и Христос) со львом – «Сын Иуда скимен, от леторасли сыне мои възде, възлег и поспа яко лев и яко скимен, кто възбудит и, и не скончается князь от Иуды ни стареишина от чресл его» (Быт. 49:9) [Острожская Библия, 1581] (далее ОБ. – *В.-А. Д.*) («Молодой лев Иуда, с добычи, сын мой, поднимается. Преклонился он, лег, как лев и как львица; кто поднимет его? Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его» [Синодальный перевод, 1990] (далее Синод. п. – *В.-А. Д.*)).

Христос – «мысленный лев» из колена Иуды: «И един от старецъ глаголя ми, не плачися, се победилъ естъ левъ иже сын от колена иудова корень давидов, разгнути книгу, и разрешити седмь печати ея» (Откр. 5:5) [ОБ] («И один из старцев сказал мне: не плачь; вот, лев от колена Иудина, корень Давидов, победил и может раскрыть сию книгу и снять семь печатей ее» [Синод. п.]), сопоставляется со львом из Физиолога, первое свойство которого – привычка замечать хвостом свои следы, чтобы охотники по следам не могли найти его логова и поймать его. «Тако и Спасъ мои, разумнии левъ, одолевъ, ис колена Иудова, корень Давидовъ <...> покрьи разумней плесне, сиречь божество. Съ ангелы яко аггелъ, съ архаггелы архангелъ, с престолы спрестолень, с властью властель до шшествия Его. И вниде въ утробу Богородица Марья, яко да спасеть прелщении чловечски родъ: “Слово плоть бысть и вселися в ны” (Ин. 1:14. – *В.-А. Д.*). Сего же неразумющеи вышня силы шшедшаго Господа Христа. Таже Давидъ рече: “Господь силамъ, То естъ Цесарь славы” (Пс. 23:10. – *В.-А. Д.*)» [Ванеева 1996]. Словосочетание «Цесарь славы» («Царь Славы») так же соотносится со львом как христологическим и царским символом одновременно.

Второе «свойство» льва в Физиологе: когда лев в пещере спит, «...бдита ему очи, отверъсте бо ему еста вежди. Якоже Соломонъ послушествуетъ в Пениих, глаголя: “Азь сплю, а сердце ми бдитъ” (Песн. 5:2. – *В.-А. Д.*). Плоть бо Господь мои на кресте успе, а божество Его одесную Отца бдяще. “Не въздремлетъ бо ни уснетъ храня Израиля” (Пс. 120:4. – *В.-А. Д.*)» [Ванеева 1996]. Именно это представление о льве как защитнике и хранителе лежит в основе широко распространенного использования различных изображений львов в качестве стражей (в том числе и царского престола) [Пчелов 2011, с. 70].

Третье свойство льва связано с представлением о том, что львица рождает своего детеныша мертвым и охраняет его, пока на третий день не приходит отец и не «...дунеть на лице ему и въставить <...> Тако и Богъ Вседеръжитель, Отець всемъ, третии день въстави первороженаго своего Сына и прежесущаго всякого здания, Господа нашего Иусу Христа, яко да спасеть прелщении роль чловечьскыи. Добре убо Ияковъ рече,

“и яко скимень, кто въставить” (Быт 49:9. – В.-А. Д.) и прочее» [Ванеева 1996]. Эта сцена не только иллюстрирует воскрешение Богом (львом) Христа (львенка, скимна) на третий день, чтобы Иисус спас людей, но и сопоставляется с местом из книги Бытия – «И созда Бог человека, персть взем от земля, и вдуноу в лице его дыхание жизни, и бысть человек в душу живу» (Быт. 2:7) [ОБ] («И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдуноу в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» [Синод. п.]), где Бог «вдыхает» в человека жизнь, так же как лев «дунеть на лице» скимна и «въставить».

Итак, согласно христианской традиции, лев – и царственный зверь, соотносимый со Христом, и бодрствующий страж, сопоставляемый с Богом.

Ещё один памятник раннего христианства, известный на Руси с XI в. и повлиявший на символическое «наполнение» фигуры льва – Синайский патерик – византийский сборник рассказов о святых отцах и эпизодах из их жизни. В словах Патерика символика льва не единожды позволяет понять детали и мотивы сюжета, особенности самого патерикового жанра.

Прежде чем остановиться на одном эпизоде, связанном с царственной природой льва, необходимо отметить основные мотивы и символические значения, возникающие в патериковых «повестях». Лев, как и в Физиологе, на страницах Патерика выступает как символ Христа (Слово 134 [Гольшченко, Дубровина 1967, с. 182–187]), ученика Христа (Слово 134, 235 [Там же, с. 182–187, 266–267]). Мотив появления льва всегда связан с праведностью святого: дикий зверь одолевается святым также, как им одолеваются искушения (Слово 116, 231 [Там же, с. 163–164, 261]), подчиняется приказу святого отца (Слова 2, 22, 126, 134, 235, 258 [Там же, с. 43, 56, 173–175, 182–187, 266–267, 288–289]), свершает Божью волю (Слово 126 [Там же, с. 173–175]), ведет себя неестественно для хищника – отказывается от мясной пищи (даже принимает евхаристию!) или живет в мире с человеком (Слова 2, 134, 164, 231, 235, 258 [Там же, с. 43, 182–187, 261–262, 266–267, 288–289]) – или вовсе поступает или выражает свои эмоции «акы человекъ» (Слова 126, 134 [Там же, с. 173–175, 182–187]), что отсылает к библейскому образу льва как свидетельства божьего мессианского царства: плотоядное по своей природе животное, лев, в пророчестве Исаии мирно пасется с ягненком и другими его привычными «жертвами» в момент прихода царства Мессии – «И напасется въкупе волк съ агньцемъ, и рысь почиеть съ козлищемъ, и юнецъ со львомъ вкупе напасутся» (Ис. 11:6) [ОБ] («Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе...») [Синод. п.]).

Хочется обратить особенное внимание на Слово 146 [Гольшченко, Дубровина 1967, с. 194–197], где образ льва возникает не прямо, а косвенно, через имя святого. Патериковая «повесть» посвящена иноку Льву из Каппадокии, который перед братьями утверждал, что будет царствовать «веруйте ми чада. царствовати имамъ», хотя никто ему не верил «от кападокия никто же царствова» [Там же, с. 195]. В итоге, ему удается пожертвовать собой ради ближнего своего – инока Иоанна, после чего все поняли, что он имел в виду, говоря, что будет царствовать как тот, кто положит душу за брата своего: «...и исполъни авва львъ книги глаголющая. да положить душу свою за друга своего. тогда и мъ разумехомъ яко се еже глаголяше яко царствовати имам абие бо царствова положивъ душу свою за брата своего» [Там же, с. 197]. В данном сюжете святой вместе с именем перенимает символическое значение льва как храброго животного, с которым сравнивают праведника – «Бегаеть нечестивый ни единому же гонящу, праведный же яко левъ надеяся» (Притч. 28:1) [ОБ] («Нечестивый бежит, когда никто не гонится за ним; а праведник смел, как лев» [Синод. п.]) – а царственная символика льва возникает в контексте жертвы за другого: как Христос-царь пожертвовал жизнью за каждого грешника.

Итак, осуществив первичное знакомство с христианской символикой льва, представляется возможным перейти к символике светской, конкретно – к рассмотрению

льва как символа княжеской и царской власти на примерах отрывков из Ипатьевского летописного свода и Казанского летописца.

В монографии «Бестиарий Московского царства» Е. В. Пчелов отмечает, что домонгольская Русь уже знала образ льва и активно им пользовалась. Как известно, особенно часто изображение хищника встречается в архитектуре Владимиро-Суздальской Руси (2-я пол. XII в. – 1230-е гг.). Анализируя разные изображения льва, автор раскрывает их функции и связь с христианскими представлениями об этом животном. Наиболее часто встречающиеся символические функции: охранительная, геральдическая (лев – эмблема Галицко-Волынской ветви Рюриковичей, начиная с Льва Юрьевича) и функция обозначения власти правителя, а к эпохе Московского царства изображение льва, помимо прочего, использовалось и для подчеркивания военно-победоносного его значения [Пчелов 2011].

Представляет интерес изображение льва в текстах светской культуры, которая была не вполне отделена от культуры церковной. В Галицко-Волынской летописи великий князь Роман Мстиславич в своей ярости по отношению к язычникам уподобляется летописцем несколькими животным: льву, рыси, крокодилу, орлу и быку: «[в] лето 6709 (1201. – В.-А. Д.) Начало княжения великаго князя Романа, самодержца бывша всей Руской земли, князя Галицкого»; «...ума мудростью ходяща по заповедемъ Божиимъ: устремилъ бо ся бяше на поганяя яко и левъ, сердить же бысть яко и рысь, и губяше яко и коркодилъ, и прехожаше землю ихъ яко и орель, храборъ бо бе яко и туръ (бык. – В.-А. Д.)» [Ипатьевская л., с. 155]. Уподобление льву используется для подчеркивания силы, жестокости (как у хищного зверя), храбрости князя, который, как и лев, царственное животное, символика которого напрямую ведет к фигуре Христа, ревнует о хождении перед Богом по Его заповедям, в чистоте.

Далее фигура льва вновь возникает при упоминании Романа Галицкого как ярого противника язычников в рассказе о Данииле Галицком, его сыне: «...иже бе изострилъ на поганяя, яко левъ, имъ же Половци дети страшаху» [Ипатьевская л., с. 187]. Уподобление льву происходит по «хищническим» признакам и возникает как формула при описании князя-ревнителя, устремляющегося и изостряющегося на язычников.

Широко используется фигура льва в Казанском летописце для изображения правителя праведного и неправедного, а также храбрых воинов.

В одном из эпизодов царь Иван Грозный узнал о сговоре казанцев с боярами и устроил им допрос, проявив «львиную» реакцию: «Онъ же възъяряся велми и рыкнувъ, аки левъ <...> и опытавъ, христьянсти губителии, бесерменских поноровниковъ...» [Казанский летописец, стб. 56]. Вполне вероятно, данное место отсылает читателя к библейской символике, где рык льва соотносится с гласом Божиим – «Лев възревет, и кто ся не убоить, Господь Бог глагола, и кто не проречеть» (Амос 3:8) [ОБ] («Лев начал рыкать – кто не содрогнётся? Господь Бог сказал – кто не будет пророчествовать?») [Синод. п.].

Ещё один контекст, в котором возникает уподобление льву – сцены битвы. Грозный, видя, что казанцы никак не поддаются, «...яко левъ рыкание страшно испустити» [Казанский летописец, стб. 147], а русские воины уподобляются разным зверям и, в том числе льву: «яко лвы рыкаху возхитити лова...» [Там же, стб. 161].

Казанский правитель Мамотяк тоже уподобляется льву, но не только ему: «И приятъ по немъ царство Казанское сынъ ево Мамотякъ, отъ скоропеа змеи, ото лва лютыи зверь, кровопица же» [Там же, стб. 20], «...и се брань противъ творящего яко левъ ревы, яко змии страшно огнем дышуще...» [Там же, стб. 18].

Как скорпион, так и змея обладают не лучшей репутацией в бестиарном мире Русского Средневековья [Белова 2001]; что касается льва, возвращаясь к главному источнику его символики – Библии, помимо вышеперечисленных положительных его значений, лев также соотносится с дьяволом – «трезвитесь, бодрствуйте, зане супостатъ вашъ диаволь яко левъ рыкая ходить иски кого поглотити» (1-е Пет. 5:8) [ОБ]

(«Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» [Синод. п.]). А в традиции славянского бестиария лев может выступать символом несправедного правителя [Белова 2001].

Символика льва в период русского Средневековья весьма обширна и требует дальнейшего изучения, а также уточнения уже знакомых значений. Помимо богатого визуального материала, который свидетельствует об использовании льва как символа власти, охраны и силы, его «властная» семантика подтверждается и укрепляется христианской традицией: интерпретацией льва как царя животных, а также символа Бога, Христа и всяческих других интерпретаций, так или иначе связанных с христологическими значениями. Знакомство с памятниками раннехристианской литературы, известной на Руси, дает основание полагать, что христианская символика льва имеет серьезное и прямое влияние на использование этой фигуры в текстах светских, таких как летописи. Лев как символ власти имеет и положительные коннотации, и отрицательные, которые начинают «работать» при изображении несправедного правителя.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Ипатьевская летопись — Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1843. IX, [4], 377, [4] с.

Казанский летописец — Полное собрание русских летописей. Т. 19. История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1903. 496 с.

Острожская Библия — Острожская Библия. Острог: Иван Федоров, 1581. 628 л.

Гольштенко, Дубровина 1967 — Гольштенко В. С., Дубровина В. Ф. Синайский патерик. М.: Наука, 1967. 412 с.

Синодальный перевод — Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета (канонические). М.: Всесоюзный совет Евангельских Христиан-Баптистов, 1990. 286 с.

Ванеева 1996 — Ванеева Е. И. Физиолог. СПб.: Наука, 1996. 167 с.

Литература

Белова 2001 — Белова О. В. Славянский бестиарий: Словарь названий и символики. М.: Индрик, 2001. 320 с.

Лихачев 1971 — Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Художественная литература, 1971. 411 с.

Махов 2017 — Махов А. Е. Бестиарий как подсистема средневековой семиотики // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2017. № 9 (30). С. 20–36.

Пчелов 2011 — Пчелов Е. В. Бестиарий Московского царства. Животные в эмблематике Московской Руси конца XV–XVII века. М.: Старая Басманная, 2011. 204 с.

Сафонова 2017 — Сафонова Н. В. Александрийский «Физиолог» и ранняя библейская экзегеза // Власть. 2017. № 1 (25). С. 177–179.

Шарбонно-Лассэ 2017 — Шарбонно-Лассэ Л. Бестиарий Христа / пер. с фр. В. Ткаченко-Гильдебрандта. М.: Велигор, 2017. 576 с.

Сведения об авторе

Виктория-Аннета Юрьевна Дегтярь, студентка 4-го курса
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл. 6.
viktoryannete@gmail.com

V.-A. Yu. Degtiar

LION AS A SYMBOL OF POWER OF PRINCES AND TSARS

Abstract

The article is devoted to the symbol of the lion in the Russian medieval culture and its connection to the Christian semantics. The author explores how the symbolic culture of Christianity influenced the image of power in the medieval world.

Keywords

lion, medieval symbolism, Slavic bestiary, Christianity, Christian symbolism, power, Physiologus

И. С. Добровольский

ОДНА МОДЕЛЬ ДЛЯ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ СЛАВЯНСКОЙ БИБЛИИ

Аннотация

В работе описана модель лексикографического описания Елизаветинской Библии, которая состоит в указании всех значений некоторого церковнославянского слова для всех его вхождений в библейский корпус. Фактическим базисом для реализации такой модели является конкорданс, позволяющий, в отличие от традиционного толкового словаря, составить исчерпывающее описание библейской лексики. Словарь, построенный по предлагаемой модели, обеспечит исследователя ответами на ряд специальных вопросов, в частности: 1) В каких библейских стихах представлено то или иное значение данного церковнославянского слова? 2) В каких стихах и в каких значениях церковнославянскому слову соответствует та или иная греческая параллель? 3) В каких стихах представлено несколько вхождений церковнославянского слова? Выступает ли оно в каждом своем вхождении в одном и том же значении или в разных? 4) Какие значения церковнославянского слова являются наиболее частотными, какие – наименее? какова точная статистика? 5) Как значения церковнославянского слова распределяются по библейским книгам? имеется ли корреляция между определенной книгой и определенным значением? В работе излагается в общем виде возможная структура словарной статьи на примере глагола *судити*.

Ключевые слова

Елизаветинская Библия, лексикография, конкорданс, корпус текстов, толковый словарь, церковнославянский язык

§ 1. Текстологическое и языковое изучение славянской Библии объективно затруднено ввиду отсутствия надлежащего инструментария, а именно, того, что можно

Цитирование: Добровольский И. С. Одна модель для лексикографического описания славянской Библии // Человек и власть в эпоху русского Средневековья. М.: ИРЯ РАН, 2024. С. 16–23.

его контекстов. Понятно, что фактический базис для реализации такой модели – это конкорданс, который в отличие от словаря с древовидной структурой позволяет составить исчерпывающее описание библейской лексики, ср. у П. А. Юнгера: «Симфонии, как заключающие и отмечающие всё до мельчайших случаи употребления всякого слова, имеют <...> главнейшее значение и преимуществуют пред лексиконами, уже объединяющими и систематизирующими симфонический материал и многое в нем опускающими» [Юнгеров 1900, с. 455–456].

§ 5. Предлагаемая универсальная модель не только избавит рядового читателя славянской Библии от догадок при определении значения, но и обеспечит исследователя ответами на ряд специальных вопросов, в частности: 1) В каких библейских стихах представлено то или иное значение данного церковнославянского (далее цсл. – *И. Д.*) слова? 2) В каких стихах и в каких значениях цсл. слову соответствует та или иная греческая параллель? 3) В каких стихах представлено несколько вхождений цсл. слова? Выступает ли оно в каждом своем вхождении в одном и том же значении или в разных? 4) Какие значения цсл. слова являются наиболее частотными, какие – наименее? Какова точная статистика? 5) Как значения цсл. слова распределяются по библейским книгам? Имеется ли корреляция между определенной книгой и определенным значением?

§ 6. Ниже излагается структура словарной статьи (в отвлечении от многих особенностей), согласно универсальной модели, на примере глагола *сѣдѣти*³. Статья состоит из трех частей: I) цсл. заголовочное слово с его греческими и/или латинскими параллелями; II) перечень выделенных значений; III) конкорданс с указанием значений для каждого вхождения слова в корпус ЕБ.

Часть I. Для записи цсл. словоформ используется гражданский шрифт с добавлением недостающих букв. При заголовке статьи дается (жирным шрифтом) общее число вхождений слова. Далее перечисляются в порядке убывания частотности греческие и латинские параллели. Подчеркнутые в параллелях буквы используются в основной части статьи при сокращенной записи параллелей в части III, например, *крѣно* сокращается до к., *ѣкрѣно* – до ѣк., *дѣкрѣно* – до дк. и т. д. Если между славянским и греческим (латинским) текстом нет однозначного (в частности, пословного) соответствия, то вместо конкретной параллели ставится знак ⊛ и помещается в конце списка параллелей:

сѣдѣти суж(д)ѣ **260** *крѣно* 231, *δικάζω* 13, *judico* 4, *δικακρѣно* 2, *δικαιτέω* 1, *ѣкрѣно* 1, *ѣлѣγγω* 1, *тѣтѣтѣ* 1, ⊛ 6.

Часть II. Выделенные значения даются в порядке убывания частотности⁴. При каждом значении дается его порядковый номер (полужирным шрифтом), а слева от номера – количество употреблений слова в этом значении. Колебания в выборе значений отображаются с помощью записи количества словоупотреблений в скобках, например: «+ 12?» Если одна часть речи выступает в роли другой, то в перечне значений выделяются подзначения и снабжаются знаком ■, слева от которого дается количество соответствующих словоупотреблений. Например, причастие *сѣдѣщѣи* во фразе *накажитеса всѣ сѣдѣщѣи земли* (Пс. 2:10) фактически ведет себя как существительное ‘судья’. Подобные случаи будут отражены описанным образом при значении 1 и, аналогично, при значении 2:

118 (+ 12?) **1** судить, выступать в роли судьи; 6 ■ судья
26 (+ 12?) **2** править, управлять; 2 ■ правитель, царь, вождь
27 **3** судить, выносить приговор: **3.1** о человеческом суде; **3.2** о божественном суде
16 **4** принимать решение сделать что-л.

³ Словник словаря ЕБ в настоящей работе не определяется.

⁴ Принципы выделения значений в настоящей работе не описываются, см., однако, ниже о границе между значениями и их оттенками.

- 10 **5** рассудить, вынести справедливое решение по спорному делу
 10 **6** решать, определять, приходиться к заключению
 9 **7** осуждать, критиковать: **7.1** о человеческом суде; **7.2** о божественном суде
 8 **8** думать, считать
 5 **9** наказывать, приговаривать кого-л. к чему-л.
 5 **10** рассудить кого-л. с кем-л.
 5 **11** судить, разбирать чье-л. дело
 3 **12** считать кого-л. кем-л.
 3 **13** ходатайствовать о ком-л., заступаться за кого-л.
 1 **14** оценивать, пробовать, испытывать
 1 **15** спорить
 1 **16** уговаривать, заставлять колебаться

Так называемые «оттенки» значений специально не обозначаются и получают в общем перечне свои номера. Граница между собственно значениями и их оттенками не всегда очевидна, так что область индивидуального решения, которое может принять тот или иной лексикограф, здесь весьма широка. Например, объекты 5 и 10 в приведенном перечне могут либо трактоваться как разные значения, либо осмысляться как значение и его оттенок, либо вообще отождествляться и выступать в качестве разных формулировок одного и того же значения. Разумеется, чтобы установить, как соотносятся между собой объекты 5 и 10, лексикограф должен опираться на выработанные им критерии существенного для разграничения значений и/или их оттенков. На наш взгляд, в обсуждаемом случае одним из таких критериев является различие в глагольном управлении. Так, можно думать, что представленное во фразах *да сѣдитъ гдѣ междѣ мною и тобою* (1 Цар. 24:13) и *сѣдѣти бѣдетъ посредѣ ѡзыкъ* (Ис. 2:4) управление типа *сѣдѣти междѣ кем-л. и кем-л.* и *сѣдѣти посредѣ кого-л.* предполагает акцент на участниках судебного процесса и, соответственно, манифестирует значение 10 – ‘рассудить кого-л. с кем-л.’. На фоне приведенных примеров с предложно-падежным управлением глагола *сѣдѣти* его переходное употребление в таких фразах, как *сѣдѣти люди твоѡ въ правдѣ* (3 Цар. 3:9), выглядит нейтральным способом заявить о самом факте судопроизводства, в то время как акцент здесь явно на справедливости судебного решения, на что указывает словосочетание *сѣдѣти въ правдѣ*; соответственно, устанавливается значение 5 – ‘вынести справедливое решение’.

Часть III. Конкорданс представляет собой таблицу со следующими столбцами:

- 1) название библейской книги,
- 2) номер главы и стиха;
- 3) информация о нескольких словоупотреблениях в одном стихе (обозначается буквами «а», «б», «в» и т. д.);
- 4) греческая или латинская параллель в сокращенной записи (согласно части I) или знак (*);
- 5) номер значения (или несколько номеров через знак / в случае сомнения в выборе значения), в том числе со знаком ■ (согласно части II);
- 6) ссылка на словари и справочники (в виде литер L, G, B и др.)⁵, которые использовались при определении значения; при этом если выделенное в конкордансе значение не соответствует значению, установленному для данного словоупотребления в том или ином словаре, то ссылка на последний предваряется знаком ≠;
- 7) информация об управлении (если релевантна для данной части речи); знак (—) показывает отсутствие дополнения;

⁵ В целях экономии места даются более компактные сокращения словарей и справочников, чем принято в библеистике (L вместо LEH, G вместо GELS и т. д.); стандартные сокращения указаны в списке литературы. Заметим, что в настоящей работе исчерпывающая библиография использованной литературы не приводится.

8) фрагмент цсл. текста – для отражения фразеологических (после знака ♦) и прочих словосочетаний, а также для некоторых других случаев; при этом знак ~ заменяет заголовочное слово.

Приводим несколько фрагментов конкорданса, отделенных друг от друга пунктиром; при этом часть строк опущена:

Быт.	15:14	х.	3.1	L	кому	
Быт.	16:5	х.	1	G	междѣ кем	
					ѣ кем	
Быт.	18:25	х.	1	G	чему	
Быт.	19:9	х.	3.1	G	что	♦ сѣдѣ ~
Быт.	31:53	х.	1	G	междѣ кем	
Исх.	18:13	х.	1	G	кого	
Исх.	18:22 а	х.	1	L	кого	
Исх.	18:22 б	х.	1		что	мáлыя же сѣды ~
Лев.	19:15	х.	1	G	кому	по прáвдѣ ~
Числ.	35:24	х.	1		междѣ кем	
					ѣ междѣ кем	
Втор.	16:18	х.	1	G	кому что	♦ ~ сѣдѣ прáведный
Втор.	25:1	х.	1		—	
Втор.	32:36	х.	1	L (≠ G)	кому	
Суд.	3:10	х.	2	E	кого	
Суд.	3:30	х.	2		кого	
Суд.	4:4	х.	2		кому	
Суд.	10:2	х.	2		кого	
Суд.	10:3	х.	2		кого	
Суд.	11:27 а	х.	1		—	
Суд.	11:27 б	х.	1		междѣ кем	
					ѣ междѣ кем	
Суд.	12:7	х.	2		кому	
Суд.	12:8	х.	2		кому	
Суд.	12:9	х.	2		кому	
Суд.	12:11	х.	2		кому	
Суд.	12:13	х.	2		кому	
Суд.	12:14	х.	2		кому	
Суд.	15:20	х.	2		кому	
Суд.	16:31	х.	2		кому	
1 Цар.	2:10	х.	1		чему	
1 Цар.	4:18	х.	2		кому	
1 Цар.	7:6	ѡ.	2/1	≠ L	кого	
1 Цар.	7:15	ѡ.	2/1		кому	
1 Цар.	7:16	ѡ.	2/1		кого	
1 Цар.	7:17	ѡ.	2/1		кого	
1 Цар.	8:1	⊗	2/1		кому	
1 Цар.	8:5	ѡ.	2/1		кого	
1 Цар.	8:6	ѡ.	2/1		кого	
1 Цар.	8:20	ѡ.	2/1		кого	
1 Цар.	24:13	ѡ.	5	G	междѣ кем	
					ѣ кем	
1 Цар.	24:16	х.	1		что	~ сѣдѣ мѡй
1 Цар.	25:39	х.	3.1		что	~ сѣдѣ поношенїа мѡегѡ
Сир.	4:16	х.	2		кого	

Сир.	8:17	х.	1		кому	
Сир.	16:13	х.	1		кому по чему	мѣжеви по дѣлѹмъ егѡ ~
Сир.	35:18	х.	1		—	~ въ правдѣ
Сир.	46:17	х.	2		кому	
Ис.	1:17	х.	13	G L B	кому	
Ис.	1:23	х.	13		кому	
Ис.	2:4	х.	10	≠ G L		
Ис.	5:3	х.	10		междѹ кем	
					ѣ кем	
Ис.	11:3	х.	1		по чему	по славъ ~
Ис.	11:4	х.	13	G	кому что	◆ ~ правдою смиренномъ сѣдѣ
Ис.	16:5	х.	1	■	что	сѣдѣ ѣ взыскѣ сѣдѣ
Ис.	41:6	х.	4	G	+ инф.	
Ис.	51:22	х.	2		кому	
Мф.	7:1	а х.	7.1	A (≠ B)	—	
Мф.	7:1	б х.	7.2/7.1		—	
Мф.	7:2	а х.	3.1	T (≠ B)	чем	◆ сѣдѣмъ ~
Мф.	7:2	б х.	3.1/3.2	T (≠ B)	кому	
Мф.	19:28	х.	1		кому	
Лк.	6:37	а х.	7.1		—	
Лк.	6:37	б х.	7.1/7.2		—	

Конкорданс отсортирован в порядке библейских книг согласно ЕБ и по возрастанию глав и стихов, что, в частности, позволяет непосредственно установить наличие корреляции между определенным значением и определенной книгой. Например, как видно из приведенного материала, в книге Судей глагол *сѣдѣти* выступает преимущественно в значении 2 ‘править, управлять’, ср. *И бысть на немъ дѣнь гденъ, ѣ сѣдѣ ѣлла* (‘и стал править Израилем’) (Суд. 3:10); кроме того, конкорданс демонстрирует заметную концентрацию этого значения в Первой книге Царств, в которой, впрочем, не исключено также значение 1 ‘судить, выступать в роли судьи’.

§ 7. Описанная здесь в общих чертах универсальная лексикографическая модель может быть оптимально использована как в бумажном издании словаря Елизаветинской Библии, так и в его электронном представлении, т. е. в виде базы данных, которая позволит с легкостью получать ответы на вопросы, сформулированные в § 5, и, смеем надеяться, обеспечит заинтересованного читателя многообразными сведениями о библейском тексте.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

ЕБ — Елизаветинская Библия. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами. 3-я книга Ездры (<http://pechatnyj-dvor.narod.ru/texts.html>); прочие книги (<http://www.orthlib.ru/bible>).

Словари

БСЦ — Большой словарь церковнославянского языка Нового времени. Т. 1–5. М., 2016–.

Гилт. НЗ — Гильтебрандт П. А. Справочный и объяснительный словарь к Новому Завету. Т. 1–6. Петербург: Печатня А. М. Котомина и К°, 1882–1885.

Гилт. Пс — Гильтебрандт П. А. Справочный и объяснительный словарь к Псалтири. СПб.: Синодальная Типография, 1898. 549 с.

Дьяч. — Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). М.: Тип. Вильде, 1899. 1120 с.

- НБАРС — Новый большой англо-русский словарь. Т. 1–3. М.: Русский язык, 2000.
- Сед. — Седякова О. А. Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2008. 432 с.
- A (ANLEX) — Friberg T., Friberg B., Miller N. F. Analytical Lexicon of the Greek New Testament. Trafford Publishing, 2005. 440 p.
- B (BDAG) — Danker F. W. A Greek-English Lexicon of the New Testament and Other Earlier Christian Literature. Chicago: University of Chicago Press, 2000. 1188 p.
- E (EDNT) — Balz H., Schneider G. Exegetical Dictionary of the New Testament. Vol. 1–3. Grand Rapids: Eerdmans, 1990–1993.
- G (GELS) — Muraoka T. A Greek-English Lexicon of the Septuagint. Leuven: Peeters, 2009. 757 p.
- L (LEH) — Lust J., Eynikel E., Hauspie K. A Greek-English Lexicon of the Septuagint. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 2003. 680 p.
- T (TDNT) — Kittel G., Friedrich G. Theological Dictionary of the New Testament. Vol. 1–10. Grand Rapids: Eerdmans, 1964–1976.

Литература

- Зализняк 2022 – Зализняк А. А. Русское именное словоизменение // Зализняк А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 1–370.
- Юнгеров 1900 – Юнгеров П. А. Словарь к Псалтири: отзыв о сочинении «Справочный и объяснительный словарь к Псалтири» Петра Гильдебрандта, представленном на соискание премии митр. Макария // Христианское чтение. 1900. № 9. С. 453–462.

Сведения об авторе

Иван Сергеевич Добровольский, научный сотрудник
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
imperfect@yandex.ru

I. S. Dobrovolsky

A MODEL FOR THE LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF THE SLAVONIC BIBLE

Abstract

The paper describes a model of lexicographic description of the Elizabeth Bible, which consists in specifying all meanings of a certain Church Slavonic word for all its occurrences in the biblical corpus. The actual basis for the realization of such a model is the concordance, which allows, unlike a traditional explanatory dictionary, to compile an exhaustive description of the biblical lexicon. A dictionary based on the proposed model will provide the researcher with answers to a number of special questions, in particular: 1) In which biblical verses is this or that meaning of a given Church Slavonic word presented? 2) In which verses and in which meanings does this or that Greek parallel correspond to the Church Slavonic word? 3) In which verses are several occurrences of the Church Slavonic word presented? 4) Which meanings of the Church Slavonic word are the most frequent, which meanings are the least frequent? What is the exact statistics? 5) How are the meanings of the Church Slavonic word distributed among the biblical books? Is there a correlation between a certain book and a certain meaning? The paper outlines in a general way the possible structure of a dictionary entry on the example of the verb *suditi*.

Keywords

Elizabeth Bible, lexicography, concordance, corpus of texts, explanatory dictionary, Church Slavonic

А. П. Майоров

РОССИЙСКИЙ КОЛОНИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС XVII ВЕКА И СРЕДСТВА ЕГО ПОСТРОЕНИЯ

Аннотация

Предметом исследования являются средства построения сибирского колониального дискурса, называемые в работе дискурсемами. Предпринят социолингвистический подход, предусматривающий анализ социального контекста как источника семантических сдвигов и формирования нового значения у языковых средств дискурса. Приводятся типичные примеры дискурсем по каждой классифицируемой тематической группе: *привести (прийти) под высокую государеву (царскую, самодержавную) руку / быть под высокой государевой (царской, самодержавной) рукою; острог, поставить острог; землица; князец, лутчие люди; иноземец*. Использование подобных языковых средств в роли дискурсем призвано выполнять функции воздействия на социальное сознание адресата и формирования у него определенных моделей поведения.

Ключевые слова

колониальный дискурс, дискурсема, социальный контекст, семантический сдвиг, социальное значение

Дискурс российской власти XVII в. – феномен сложный и многоаспектный. Одним из его важных проявлений в этот период является колониальный дискурс, под которым понимается дискурс власти, формируемый специфическими функциями государства в новых геополитических условиях.

Власть в Московской Руси XVII в. еще сохраняла признаки так называемого вотчинного государства или, по М. Фуко, власти-господства [Фуко 2007, с. 59–63]. «В основе вотчинного государства находились принципы «властоцентричности и сильной государственной власти, авторитарно-властного господства, служения государю,

Цитирование: Майоров А. П. Российский колониальный дискурс XVII века и средства его построения // Человек и власть в эпоху русского Средневековья. М.: ИРЯ РАН, 2024. С. 24–29.

чения – значения, обусловленного теми социокультурными факторами его порождения, которые актуализируются говорящим в соответствующем контексте.

В свете актуальных для анализа колониального дискурса понятий «социальный контекст» и «социальное значение» методологически корректным будет использовать наименование языковых средств построения дискурса термином «дискурсемы» ввиду неточности употребления термина «языковые средства» и занятости в исследовательском обороте термина «дискурсивные слова» в ином значении.

Дискурсемы – это вербальные и/или невербальные средства выражения власти дискурса, навязывающего определенные стандарты коммуникативно-речевого поведения отдельным лицам и целым социальным группам в типичных ситуациях. Иными словами, эти средства построения дискурса выражают определенные отношения, складывающиеся между представителями данного социума, и посредством документного дискурса устанавливают своего рода правила их соблюдения.

Выбор данных дискурсивных средств обусловлен лингвопрагматическими правилами дискурсивной практики той или иной сферы коммуникации в определенный исторический период. Главными признаками дискурсемы являются ее организующая роль в построении дискурса, контекстуальное и конситуативное значение, зависимость семантики и стилистической окраски дискурсемы от жанровой принадлежности текста, а также функция скрытого воздействия на адресат.

Для исторического дискурсивного анализа важно то, что «когда та или иная практика перестает по разным причинам быть актуальной, текст становится герметичным и трудно интерпретируемым, что и происходит с современным адресатом. Контекст производства текста перестает быть узнаваемым» [Чернявская, Нефёдов 2020, с. 88]. Нельзя, вслед за В. Е. Чернявской и С. Т. Нефёдовым, сказать, что, например, приведенный выше текст Справки закрыт для понимания, но то, что он понимается неоднозначно и вызывает много вопросов, – отрицать не приходится.

Условно дискурсемы колониального дискурса можно разделить на три тематические группы:

1) колониальная власть: *привести (прийти) под высокую государеву (царскую, самодержавную) руку / быть под высокой государевой (царской, самодержавной) рукою; вечное ясачное холопство;*

2) деятельность по колонизации: *землица; прискивание новых неясачных земель; острог, поставить острог; ясачный соболиный сбор; аманат;*

3) колонизированные: *князец, лутчие люди, улусные люди; (не)ясачные люди; ясачный иноземец; промышлять ясак, платить ясак.*

Семантические сдвиги отмечаются у дискурсем каждой группы, и они, как уже указывалось выше, могут быть релевантно истолкованы только в рамках социального контекста. Представим данные изменения на отдельных примерах по каждой группе.

Так, появление конструкций *привести (прийти) под твою государеву высокую руку / быть под твою государевой высокою рукою* в значении ‘побудить принять российское подданство / быть российским подданным’ было непосредственно связано с процессом освоения новых территорий Российской империей в XVI–XVII вв. До этого периода в истории русского языка известен только близкий по смыслу оборот *подъ чьей-л. рукою* в значениях ‘под чьим-л. руководством’; ‘в подчинении у кого-л.’; ‘под контролем, в пределах достигаемости’; ‘под чьим-л. покровительством’ [Сл. XI–XVII 1997, с. 243]. Ключевой элемент в конструкции – предлог *подъ*, в семантике которого получает развитие сема «охраны», которая характеризовала статичный фоновый объект (*высокая государева рука*), «покрывающий» фигуру (представителей коренных народов Сибири и Дальнего Востока) [Плунгян, Рахилина 2014, с. 32]. В контексте восприятия адресат должен был чувствовать себя под защитой российского монарха в той же простой вертикальной иерархии власти вотчинного государства, как и другие российские подданные.

Для сибирского колониального дискурса в отличие, например, от кавказского дискурса актуальным становится понятие острога как форпоста и оплота Российской империи на восточных окраинах. В качестве дискурсема слово *острог* также характеризуется новым семантическим наполнением. Отгалкиваясь от значений древнерусского слова острогъ ‘частокол’ и ‘внешнее окружное укрепление города’ [Сл. XI–XIV 2000, с. 190] в контексте освоения сибирских территорий лексема приобретает значение ‘окруженное деревянными стенами с башнями селение, которое служило укрепленным пунктом, а также своеобразным административным центром на восточных рубежах Московского государства’. В связи с этим выражение *поставить острог* означало не просто заниматься возведением оборонительных строений. В семантике слова содержалось множество социальных коннотаций, связанных со всей деятельностью сибирской администрации по сбору ясака и защите «ясачных иноземцев», содержанию аманатов и обеспечению безопасности служилых людей, предоставлению довольства казакам, участию в поддержке русско-монгольских и русско-китайских отношений и др. Острог выступал как символ государственного строительства и расширения границ Российской империи на восток. Неслучайно в отписках отчет о возведении новых острогов с подробным описанием их строительства, ремонте старых острогов в течение семнадцатого столетия приобретает регулярный характер.

В группе дискурсем по характеристике колониальной политики привлекает внимание слово *землица*. В Словаре русского языка XI–XVII вв. оно толкуется как «уменьшительно-уничижительная форма слова **земля**1 (в знач. 8, 9)» [Сл. XI–XVII 1978, с. 375], то есть в значениях ‘8. Обрабатываемая земля, нива, пашня; земельное угодье’ и ‘9. Страна, государство, край, земля’ [Сл. XI–XVII 1978, с. 376], но это толкование мало способствует пониманию смысла его употребления в тексте Справки. Распространенность употребления слова в официальных документах распорядительного и отчетно-исполнительного характера – указах, приговорах, памятях, отписках, наводит на мысль об отсутствии эмоционально-экспрессивных коннотаций в значении слова и об его терминологизации в колониальном дискурсе как специальной номинации интегрируемых в состав Российской империи тех земель, которые завоевываются не масштабными боевыми действиями, а преимущественно мирным, договорным путем.

Освоение территорий, населенных коренными народами циркумбайкальского региона, должно было сопровождаться межэтническими и межъязыковыми контактами, результатом которых ожидалось бы употребление в русском документном дискурсе автохтонных заимствований, обозначающих административные должности в бурятском обществе того времени. Этого не происходит, и отсутствие должностных терминов *даруга*, *зайсан*, *засул*, *тайша*, *шуленга* объясняется тем, что данные термины заменяются русскими наименованиями *князец*, *лутчие люди*. В контексте эпистемы колонизации и выстраивания жесткой вертикали власти-господства разграничение инородцев по социальному статусу оказывалось ненужным. Замещение автохтонных заимствований русскими терминами *князец*, *лутчие люди* связано с выполнением ими функции дискурсем по упрочению имперского сознания у бывших и новых российских подданных, закреплением за термином представления о вассальной зависимости ясачных людей.

О неоднозначной интерпретации отмеченных в Справке дискурсем и важности привлечения в этом случае социального контекста свидетельствует немало исследований, посвященных встречающемуся в тексте документа слову *иноземец*. Специфика сибирской колонизации и особенности колониальной политики в отношении покоренных автохтонных народов отражаются в функционировании термина *иноземец*, особенно в составе атрибутивных словосочетаний *ясачные иноземцы* и *неясачные иноземцы*, при характеристике представителей коренного населения вновь осваиваемых территорий. В трудах ученых П. С. Игнаткина, А. Ю. Конева, А. А. Люцидарской, Т. А. Опариной, Ю. Слѣзкина дискутируются вопросы социально-правового статуса

этого термина, географии его распространения, конвертации термина из политонима в соционим и др. (подробнее обзор данных точек зрения см. в [Конев 2014]).

Таким образом, специфика внутренней политики Московского государства XVII в. представлена в колониальном дискурсе, который в Сибири имел свои особенности и воплощался в текстах деловой письменности распорядительного и отчетно-исполнительного характера.

Особенности данного дискурса заключаются в том, что социальная контекстуализация в документах разных жанров (преимущественно в указах и отписках) отражает дискурсивную практику, которая сосредоточена на формировании коллективного представления о типичной культурной модели поведения в процессе колонизации осваиваемых сибирских территорий.

Краткая характеристика языковых средств, выступающих в роли дискурсом колониального дискурса в Сибири, показывает, каким образом контекстуализация приводит к семантическим сдвигам, завершающимся формированием социальных значений, и как она актуализирует функции дискурсом – воздействовать на социальное сознание адресата и навязывать ему определенные модели поведения.

БИБЛИОГРАФИЯ

Словари

Сл. XI–XVII 1978 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. (Е–Зинутие). М.: Наука, 1978. 395 с.

Сл. XI–XVII 1997 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22 (Раскидаться–Рященко). М.: Наука, 1997. 298 с.

Сл. X–XIV 2000 — Словарь древнерусского языка (X–XIV вв.). Т. VI: (овадь–покласти). М.: Азбуковник, 2000. 608 с.

Литература

Конев 2014 — Конев А. Ю. Колониальный дискурс имперских классификаций: историки о термине «иноземцы» в отношении народов Сибири // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6–1 (44). С. 81–86.

Лубский 2014 — Лубский Р. А. Российская государственность как предмет концептуального мышления // Философия права. 2014. № 6. С. 9–13.

Нефёдов, Чернявская 2020 — Нефёдов С. Т., Чернявская В. Е. Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 83–97.

Никольский 2017 — Никольский С. А. Империя и культура. Философско-литературное осмысление Октября. Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФ РАН, 2017. 126 с.

Плунгян, Рахилина 2014 — Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Семантико-синтаксические свойства русских конструкций с предлогом под: прямые (пространственные) и переносные (временные) употребления // Die Welt der Slaven. 2014. LIX. S. 22–56.

Фуко 2007 — Фуко М. Психиатрическая власть. СПб.: Наука, 2007. 450 с.

Сведения об авторе

Александр Петрович Майоров, доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник

Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

map1955@mail.ru

A. P. Mayorov

RUSSIAN COLONIAL DISCOURSE OF THE 17TH CENTURY AND MEANS OF ITS CONSTRUCTION

Abstract

The subject of the study is discourses, the means by which Siberian colonial discourse was constructed in the 17th century. A sociolinguistic approach has been taken, which involves analyzing the social context as a source of semantic shifts and the formation of new meanings in linguistic means of discourse. Typical examples of discourses are given for each classified thematic group: *privesti (prijti) pod vysokuju gosudarevu (tsarskiju, samoderzhavnuju) ruku / pod vysokoj gosudarevoj (tsarskoj, samoderzhavnoj) rukoju; ostrog, postavit' ostrog; zemlitsa; knjazets, lutchije ljudi; inozemets*. The use of such linguistic means in the role of discourses is intended to perform the functions of influencing the social consciousness of the addressee and forming certain patterns of behavior in him.

Keywords

colonial discourse, discourse, social context, semantic shift, social meaning

А. В. Мартынюк

РЫЦАРЬ ЭНГЕЛЬБРЕХТ ЗОББЕ ПОКУПАЕТ ЗАМОК, ВЫБИРАЕТ СЕБЕ СЮЗЕРЕНА И ОТПРАВЛЯЕТСЯ В РЕЙЗУ ПРОТИВ ЗЛЫХ ЖЕСТОКИХ ЯЗЫЧНИКОВ*

Аннотация

Статья посвящена Энгельбрехту Зоббе, рыцарю из региона Нижнего Рейна, активному участнику политической и военной жизни своего времени (вторая половина XIV в.). Среди эпизодов биографии рыцаря Энгельбрехта – участие в крестовом походе на земли Руси и Литвы в 1381–1382 гг., который организовал Энгельберт III, граф Марка. В статье ставится вопрос о мотивах крестоносцев – как правителей, так и простых рыцарей – и связи этих мотивов с политическими, социальными и культурными реалиями их жизни.

Ключевые слова

крестовые походы, «язычники и схизматики», регион Нижнего Рейна, рыцарская культура, визуальные источники

История Балтийского региона в XIV в. прошла под знаком военного противостояния Тевтонского ордена с Великим княжеством Литовским – «Языческой империей» (по выражению английского исследователя Стивена Роуэлла), объединявшей земли собственно Литвы и огромные пространства восточнославянских земель. В этой войне на стороне Ордена выступали рыцари из всех стран Латинского мира, прибывавшие

* Данная публикация подготовлена в рамках проекта «Крестовый поход и паломничество в регионе Балтийского моря как семейная традиция: исследование на примере графов Марка (XIII–XV вв.)» при поддержке Фонда Герды Хенкель (Дюссельдорф, Германия) / Diese Publikation ist im Rahmen des Projekts “Kreuz- und Pilgerfahrt im Ostseeraum als Familientradition: eine Fallstudie zu den Grafen von der Mark (13.–15. Jahrhundert)” mit Unterstützung der Gerda Henkel Stiftung (Düsseldorf, Deutschland) entstanden.

Цитирование: Мартынюк А. В. Рыцарь Энгельбрехт Зоббе покупает замок, выбирает себе сюзерена и отправляется в рейзу против злых жестоких язычников // Человек и власть в эпоху русского Средневековья. М.: ИРЯ РАН, 2024. С. 30–37.

в Пруссию и Ливонию для участия в рейзах (крестовых походах) против «литовских язычников и русских схизматиков». Автор данных строк неоднократно обращался к этой проблематике в своих работах. В настоящей статье предметом рассмотрения является история немецкого рыцаря из региона Нижнего Рейна, в биографии которого есть факт участия в крестовом походе на земли Руси и Литвы.

Проблематике рейз посвящены фундаментальные работы немецкого медиевиста Вернера Паравичини, показавшего их значение в рыцарской культуре своего времени. Обращаясь к феномену рейз из современной перспективы, исследуя биографии их участников, невозможно не задаться вопросом: зачем им это было нужно – и правителям, и простым рыцарям? Придворные поэты (Петер Зухенвирт в Австрии, «гельдернский герольд» и «клеветский герольд» на Нижнем Рейне и др.) пафосно живописуют подвиги своих сюзеренов и их верных рыцарей в землях язычников, но даже из этих описаний становится очевидным, что рыцарям там делать было нечего. Какую выгоду мог получить владетельный граф или даже простой рыцарь от участия, например, в набеге на Жемайтию – одну из основных целей крестоносных рейз в XIV в.? Это был Богом забытый край, бедная земля и бедные люди, ни о какой материальной добыче не могло быть и речи, да и символическая добыча представляется неочевидной – по крайней мере, из современной перспективы. Что мотивировало герцогов, графов и простых рыцарей? «Почему они ездили?» – так сформулировал проблему В. Паравичини и вынес этот вопрос в заглавие своей книги [Paravicini 2020]. Попробуем ответить на этот вопрос на примере конкретного похода и конкретного рыцаря.

Коротко остановимся на политическом контексте рассматриваемых событий. После смерти великого князя Ольгерда в 1377 г. в Великом княжестве Литовском развернулась борьба за власть между представителями династии Гедиминовичей. Одним из эпизодов междоусобной войны была борьба за Полоцк – важный политический центр Великого княжества Литовского, обладавший давними традициями собственной государственности и сохранявший свою самостоятельность под властью литовских князей. С целью укрепления своего положения, великий князь Ягайло в 1381 г. передал Полоцк своему брату Скиргайло. Однако полочане отказались принять князя-язычника и изгнали его. Ягайло выделил своему брату большое войско («рать свою всю литовскую и рускую»), с которым тот осадил город. Находясь под стенами Полоцка, Скиргайло обратился за помощью к отделению Ордена в Ливонии, который во внутривосточной борьбе в Великом княжестве Литовском поддерживал Ягайло. 10 августа 1381 г. под стенами Полоцка появилось войско крестоносцев под личным началом ливонского магистра Вильгельма фон Фримерсхайма. Объединенное войско осаждало Полоцк на протяжении 13–14 недель, но не добилося успеха. Данный эпизод внутривосточной борьбы в Великом княжестве Литовском получил достаточно широкое отражение в письменных источниках – в белорусско-литовском, псковском и новгородском летописании, а также в орденской хронистике. Все источники отмечают, что ливонский магистр привел под стены Полоцка сильное войско. Это объясняется тем, что в осаде Полоцка принял участие значительный контингент рыцарей-«гостей» с Нижнего Рейна под предводительством Энгельберта III, графа Марка. Данное военное предприятие было подробно рассмотрено нами недавно в отдельной статье [Мартынюк 2023].

Поход под Полоцк имел заметный отклик и в немецких землях. Придворный хронист династии графов Марка и Клеве повествует, что граф Энгельберт III вместе с «немецкими господами из Пруссии и Ливонии» принял участие в походе против «одного города, который называется Полоцк, в котором живут сарацины и прочие злые жестокие язычники» (*eyne Stat, geheiten Plosko, dair die Sarracenen ind boese wreet volck van Heyden in woenden*) [Clevische Chronik 1884, S. 29]. Анонимный «клеветский герольд» в похвальной песне рыцарю Генриху фон Хюкельхофену говорит о его участии «под Полоцком в большом штурме, [где] Господь помог своим избежать всех опасностей»

(vor Plosskaw an dem sturm grot / got helff den seinen auß aller not) [цит. по: Nolte 1983, S. 194]. Итак, это была достаточно резонансная военная экспедиция. Источники позволяют назвать около десятка имен рыцарей, принявших участие в этом походе, в рамках данной статьи мы остановимся на одном из них – Энгельбрехте Зоббе (Engelbrecht Sobbe). Энгельбрехт Зоббе был в числе шести рыцарей с Нижнего Рейна, спутников графа Энгельберта III, которые накануне Рождества 1381 г. взяли в Мариенбурге в долг 200 золотых гульденов [Arnold 1968, S. 89–90]. По-видимому, рыцари поиздержались в затянувшемся походе, который начался в августе 1381 г. с осады Полоцка и завершился в феврале 1382 г. набегом под стены Тракайского замка в Литве. В отличие от осады Полоцка, набег оказался удачным – войско крестоносцев не встретило серьезного сопротивления со стороны язычников, было захвачено большое количество пленников и добычи. Это вполне можно было рассматривать как успех – рыцари выполнили свой долг воинов Христовых и могли возвращаться домой. С чувством выполненного долга вернулся домой и Энгельбрехт Зоббе, герой нашего рассказа.

Что мы знаем про рыцаря Энгельбрехта Зоббе? Род Зоббе (Sobbe, Zobbe) известен с начала XIV в., его представители служили многим правителям в регионе Нижнего Рейна. «Наш» Энгельбрехт появляется в источниках около 1350 г. на службе архиепископов Кёльна, а также графов Марка и Берга [Paravicini 2020, S. 462–463]. Ему, как и многим рыцарям того времени, было тесно в небольших рейнских графствах: в самом разгаре была Столетняя война, и все уважающие себя рыцари считали своим долгом отправиться на поля Нормандии и Шампани. Так поступил и рыцарь Энгельбрехт, ставший под знамена Эдуарда «Черного Принца» и принявший участие в его знаменитых гасконских походах 1355–1357 гг. Энгельбрехт Зоббе служил за деньги: источники называют суммы в 1800, 3000, 4450 золотых монет (французских королевских эю), которые он получал за свою службу разным господам [Paravicini 2020, S. 463]. Он быстро вырос до предводителя отряда наемников – в одном из эпизодов речь идет о 40 всадниках, которых он в 1356 г. обязался выставить по заключенному контракту. Но его влияние измерялось не только в деньгах: рыцарь Энгельбрехт был хорошо интегрирован в социальные сети знати и рыцарства региона Нижнего Рейна. Так, в 1362 г. он фигурирует в качестве возможного третьей стороны в договоре между Энгельбертом III, графом Марка, и его братом Адольфом, на тот момент епископом Мюнстера [Urkundenbuch 1853, № 631, S. 532]. В этом чрезвычайно важном договоре братья согласовали свою позицию по вопросу «клеевского наследства» в случае смерти без наследников их дяди, графа Иоганна Клевского (такой случай наступил в 1368 г., новым графом Клеве стал Адольф, сложивший с себя духовный сан). Позже, в 1381 г., Энгельбрехт Зоббе выступил одним из трех посредников (наряду с двумя графами) при организации свадьбы графа Энгельберта III с Елизаветой фон Шпонхайм, а также в качестве поручителя по вопросу выделения невесте замка Веттер и денежного содержания [Regesten 1988, № 1931, S. 194–195; № 1937, S. 198–199]. Итак, перед нами довольно авторитетный рыцарь, игравший самостоятельную политическую роль в регионе Нижнего Рейна. «Слуга многих господ и участник многих военных кампаний, человек, который чего-то добился в жизни», – так характеризует его В. Паравичини [Paravicini 2020, S. 463]. Умер Энгельбрехт Зоббе около 1396 г.

Видимо, наемная служба приносила рыцарю Энгельбрехту хороший доход. В 1366 г. он купил у кёльнского архиепископа замок Эльберфельд (ныне район в городской черте Вупперталя) – очень хороший, сильно укрепленный замок, один из лучших во владениях кёльнской диоцезии. Данная покупка хорошо засвидетельствована комплексом документов – собственно договором, его подтверждениями, поручительствами и распиской о получении денег (2500 «хороших старых» золотых монет) [Urkunden 1886, № 512–517, S. 180–190]. Итак, «жизнь удалась» – рыцарь Энгельбрехт обеспечил себе и своим потомкам (с этого момента они начинают именоваться «Зоббе из Эльберфельда») достойное и самостоятельное положение. Но вместе с приобретением

раньше (25 августа 1368 г.), однако за денежными вопросами ясно просматриваются и политические мотивы. Графы Арнсберга были давними противниками графов Марка за влияние в регионе, а граф Готфрид – еще и личным врагом графа Энгельберта III (воинственный Энгельберт в 1366 г. захватил и сжег его резиденцию город Арнсберг). Поэтому в подтверждающий акт от 10 мая 1369 г. оказалось включено специальное условие, что графство Арнсберг (или его части) не могло в будущем быть продано или в какой-то иной форме передано «графам Марка или же какому-либо человеку из Марка» (an den greuen van der Marke, noch an eynchen merkeschen man). Данное условие графа Готфрида – несомненная реакция на переход владельцев замка Эльберфельд в сферу влияния графов Марка, а в неназванном по имени «человеке из Марка» можно с полным основанием видеть Энгельбрехта Зоббе. Так «слуга многих господ» сам стал самостоятельным субъектом политических отношений в регионе Нижнего Рейна.

Для завершения картины обратимся к визуальному источнику, а именно к так называемому «Белленвильскому гербовнику». Этот замечательный памятник средневековой геральдики и рыцарской культуры в целом был создан в конце XIV в. и в настоящее время находится на хранении в Национальной библиотеке Франции [Armorial Bellenville]. Гербовник состоит из общей части («геральдические провинции» средневековой Европы) и отдельных «геральдических свитков», отражающих какие-либо конкретные события (турниры, походы, почетные застолья и пр.). Нас интересует свиток номер IX (fol. 66v–67v), в котором представлены гербы 36 рыцарей. Первый герб этой серии снабжен знаменем святого Георгия – как правило, под этим знаменем выступали «гости» Ордена, прибывавшие в Пруссию для участия в рейзах против язычников (иллюстрация 1). Это позволило В. Паравичини определить данный свиток как изображение гербов рыцарей – участников конкретной рейзы – и по косвенным признакам датировать его временем около 1379/1381 гг. В развитие данной гипотезы нами было обосновано предположение, что данный свиток отражает поход графа Энгельберта III на земли Руси и Литвы в 1381–1382 гг. (не менее восьми гербов из свитка принадлежат рыцарям, об участии которых в походе известно по письменным источникам [подробнее см.: Мартынюк 2023, с. 39–41]). На той же странице, что и знаменосец святого Георгия, представлены украшенный шлем и гербовый щит рыцаря, который обозначен как «господин Зоббе» (her Sobbe). Лицо рыцаря скрыто забралом – но нам все-таки удалось взглянуть на героя нашего рассказа.

Итак, сделаем выводы. Для того, чтобы повысить собственный престиж и привлекательность своего двора, амбициозным правителям нужно было реагировать на запросы рыцарства и соответствовать нормам рыцарской культуры. Участие в походах против «язычников и схизматиков» было во второй половине XIV в. неотъемлемой характеристикой как идеального рыцаря, так и идеального государя. Несомненно, в основе этого лежал рыцарский этос – самосознание воинского сословия европейского Средневековья как воинов Христовых (*milites Christi*), защитников Христианского мира от окружающих его врагов. Но, очевидно, помимо этого играли роль и другие факторы. Активная внешняя политика, участие в военных походах в иных землях и в дальних паломничествах к святым местам, организация рейз в Пруссию – все это также были средства поднятия престижа правителя и консолидации им вокруг себя рыцарства своего княжества и соседних земель. Таким образом, резонансный поход графа Энгельберта III и его союзников на «языческий город Полоцк» оказывается не только рыцарским «приключением» (aventure), но и важным элементом династической политики графов Марка.

В заключение поставим два простых, даже прямолинейных вопроса, и дадим ответы на них.

Что получил граф Энгельберт III, организовав рейзу на земли Руси и Литвы? – Он укрепил свои связи с рыцарством нижнерейнских земель и в перспективе получил новых верных вассалов.

Source gallica.bnf.fr / Bibliothèque nationale de France. Département des Manuscrits. Français 5230

Иллюстрация 1. Фрагмент «Белленвильского гербовника» (fol. 66v)

Гербы участников похода графа Энгельберта III. Герб рыцаря Энгельбрехта Зоббе представлен третьим в верхнем ряду [Armorial Bellenville].

Что получил рыцарь Энгельбрехт Зоббе, приняв участие в походе против «злых жестоких язычников»? – Он поднял свой престиж, приобщился к высокой рыцарской культуре своего времени и, в конечном итоге, попал в Историю – ведь именно благодаря этому мы сегодня говорим о нем.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Armorial Bellenville. Bibliothèque nationale de France. Département des Manuscrits. Français 5230 (<https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8470169b>).

Clevische Chronik 1884 – Clevische Chronik nach der Originalhandschrift des Gert van der Schuren / Hrsg. von R. Scholten. Cleve: Druck und Verlag von Fr. Boss, 1884. 278 S.

Regesten 1988 – Regesten des Archivs der Grafen von Sponheim: 1065–1437 / Bearb. von J. Mötsch. Teil 2: 1371–1399 (Regesten Nr. 1515–2992). Koblenz: Verlag der Landesarchivverwaltung Rheinland-Pfalz, 1988. 625 S.

Urkunden 1886 – Urkunden und Regesten zur Geschichte des Geschlechtes der Freiherren von Elverfeldt / Hrsg. von E. Aaander-Heyden. Bd. I (bis 1500). Elberfeld: Druck von A. Martini & Grüttesien, 1886. 315 S.

Urkundenbuch 1853 – Urkundenbuch für die Geschichte des Niederrheins oder des Erzstifts Cöln, der Fürstentümer Jülich und Berg, Geldern, Meurs, Cleve und Mark, und der Reichsstifte Elten, Essen und Werden / Hrsg. von Th. J. Lacomblet. Bd. III. Düsseldorf: In Commission der Schaub'schen Buchhandlung, 1853. 992 S.

Литература

Мартынюк 2023 — Мартынюк А. В. Немецкие крестоносцы в битве за Полоцк в 1381 г. // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2023. № 2 (67). С. 36–43.

Arnold 1968 — Arnold U. Engelbert III. Graf von der Mark, seine Kreuzfahrten ins Heilige Land, nach Livland und nach Preußen // Beiträge zur Geschichte Dortmunds und der Grafschaft Mark. Bd. 64. Dortmund: Im Verlage des Historischen Vereins Dortmund, 1968. S. 77–95.

Nolte 1983 — Nolte Th. Lauda post mortem. Die deutschen und niederländischen Ehrenreden des Mittelalters. Frankfurt am Main; Bern: Peter Lang, 1983. 325 s.

Paravicini 2020 — Paravicini W. Adlig leben im 14. Jahrhundert. Weshalb sie fuhren: die Preußenreisen des europäischen Adels. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2020. 807 s.

Сведения об авторе

Алексей Викторович Мартынюк, доктор исторических наук, профессор
Минск, Беларусь
a.martyniuk@mail.ru

A. V. Martyniuk

KNIGHT ENGELBRECHT SOBBE BUYS A CASTLE, CHOOSES A SUZERAIN, AND GOES FOR THE REYSE AGAINST THE EVIL CRUEL PAGANS

Abstract

The article focuses on Engelbrecht Sobbe, a knight from the Lower Rhine region, an active participant of the political and military life of his time (second half of the 14th century). Among the episodes of the knight Engelbrecht's biography is participation in the crusade to the lands of Rus' and Lithuania in 1381–1382, organized by Engel-

bert III, Count of Mark. The article questions the motives of the crusaders – both rulers and ordinary knights – and the relationship of these motives to the political, social, and cultural realities of their time.

Keywords

crusades, “pagans and schismatics”, Lower Rhine region, chivalric culture, visual sources

П. Н. Новрузов

«FUS SWAÐ ALFRED». «РЕЧЕНИЯ АЛЬФРЕДА» КАК ПАМЯТНИК СРЕДНЕАНГЛИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ: ЕГО ОСМЫСЛЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Аннотация

Данная статья посвящена средневековому памятнику англоязычной словесности XII в. «Речениям Альфреда» и его переводу на русский язык. Это произведение было впервые переведено нами на русский язык, до этого существовал лишь перевод «Речений» на английский язык, выполненный Олофом Арнгартом в 1978 г. В статье обсуждаются источниковедческие и смысловые аспекты текста «Речений Альфреда», дошедшего до нас в четырех списках XIII в. «Речения» примечательны своей структурой, в которой можно выделить две составные части. Первая (строфы 1–5) – обращение короля Альфреда к своим подданным, в котором он дает им общие советы, например, в области организации суда. Вторую часть составляют строфы 6–29, которые содержат советы короля Альфреда, направленные обычным людям для того, чтобы они проживали свою жизнь более праведно.

Ключевые слова

«Речения Альфреда», авторитет, перевод, среднеанглийский язык, словесность

«Речения Альфреда» – памятник среднеанглийской словесности XII в. Текст представляет собой двадцать девять строк разной длины. Однако прежде чем начать работать с текстом произведения, необходимо дать небольшой комментарий к ситуации, сложившейся в англоязычной литературе времени создания интересующего нас памятника. До нормандского завоевания 1066 г. английский язык был на более высоких позициях, чем после него. Он использовался намного чаще в высоких функциональных сферах;

Цитирование: Новрузов П. Н. «Fus swað Alfred». «Речения Альфреда» как памятник среднеанглийской словесности: его осмысление и проблемы перевода // Человек и власть в эпоху русского Средневековья. М.: ИРЯ РАН, 2024. С. 38–43.

At Seuorde:
 seten þeines manie.
 Fele biscofes:
 and fele boc-lerede.
 Erles prude:
 and cnihtes egleche.
 Per was erl Alfrich:
 of þare laze swiðe wis.
 And ec Alfred:
 engle herde.
 Engle derling:
 on Englelonde he was king.
 Hem he gan leren:
 swo 3e mu3en iheren.
 Hu hi here lif:
 leden scolden.
 Alfred he was on Englelond:
 an king wel swiðe strong.
 He was king and clerc:
 wel he luuede Godes werc.
 He was wis on his word:
 and war on his werke.
 He was þe wiseste man:
 þat was on Englelonde an.

В Сифорде
 Заседали многие таны,
 Многие епископы
 И многие книжники,
 Гордые графы
 И храбрые рыцари.
 Был там и эрл Эльфрик,
 Превосходно ведущий в законах.
 И еще Альфред,
 Англичан пастырь.
 Любимец англичан,
 В Англии он был королём.
 Он обучал их,
 Как вы могли слышать,
 Как земная жизнь
 Должна быть прожита.
 Альфред был на английской земле
 Чрезвычайно могущественным королем.
 Он был королем и ученым,
 Он любил благочестивые дела.
 Он был мудр в своих словах,
 И благоразумен в делах.
 Он был мудрейшим из людей,
 Что были в Англии.

Итак, Сифорд – это место в Суссексе на юге Британии. Рядом с этим местом находится поместье Дене, в котором Ассер – автор «Жизни короля Альфреда» – впервые встретился с королем Альфредом [Стасюлевич 2001, с. 238]. Можно сделать вывод, что автор «Речений» знал, что король Альфред причастен к территории Суссекса. Однако не только в этом «Речения» пересекаются с биографией короля Альфреда.

По всей видимости, составитель этого памятника знал, что король Альфред приложил руку к многочисленным переводам с латыни на древнеанглийский. В частности, в древнеанглийском переводе «Утешения философией» Боэция можно обнаружить следующий контекст:

Wala, þæt is hefig dysig, hygeð ymbe se ðe wile, and frecenlic fira gehwilcum þæt ða earman men mid ealle gedwæled of þam rihtan wege recene alæded. Hwæðer ge willen on wuda secan gold ðæt reade on grenum triowum? Ic wat swa ðeah þæt hit witena nan þider ne seceð, forðæm hit þær ne wexð, ne wingearðum wlitige gimmas¹ [Gates, O’Camb 2019, p. 255].

Похожие мысли можно найти и в шестом речении короля Альфреда [Arngart 1978, p. 11]:

6.
 þus cwað Alfred.
 "Wiðuten wisdomes:
 is wele wel unwurð.
 For þeh o man ahte:
 huntseuenti acres.

6.
 Так говорил Альфред:
 «Без мудрости
 Богатство презренно.
 Ибо даже если человек обладает
 Семидесятью акрами земли,

¹ Увы, это угнетающая и опасная для всех глупость – пусть кто хочет об этом думает, – которая полностью вводит несчастных людей в заблуждение, быстро сбивая их с правильного пути. Хотите ли вы искать в лесу красное золото на зеленых деревьях? Но я знаю, что ни один мудрый человек не ищет его там, потому что оно там не растет, как не растут прекрасные драгоценные камни в виноградниках (Перевод наш. – П. Н.).

And he hi hauede isowen: al mid rede golde. And þat gold grewe: swo gras doð on erðe. Nere he for his wele: nefre þe wurþere. Bute he him of fremðe: frend iwerche. Uor hwat is gold bute stan: bute hit habbe wis man."	И он засеет их все Красным золотом И это золото прорастет, Как трава растет на земле, То при всем своем богатстве, Он не станет достойнее, Если с самого начала Не заведет друзей. Ибо что есть золото, как не камень, Если оно не в руках мудреца».

На основании двух отрывков мы видим, что в двух текстах используется выражение «красное золото» для описания приобретения богатства легким путем. Поэтому один из современных исследователей Брайан О’Камб впервые осторожно предположил, что составитель «Речений Альфреда» был знаком с древнеанглийским переводом Боэция [Gates, O’Camb 2019, p. 256].

У нас нет точных сведений, указывающих на авторство «Речений». Отметим, что в английской традиции историописания (в частности, в латиноязычной) сложилось представление о короле Альфреде как о мудреце. Уже Ассер использует цитаты из Библии для усиления мудрости короля при описании его поступков [Стасюлевич 2001, с. 245]. Более того, Элред из Риво отмечал, что «многие из его поучительных пословиц, элегантных и остроумных, сохранились до наших дней» [Rouse 2005, p. 45]. Эти указания могут косвенно свидетельствовать о возможном существовании некоего корпуса мудрых речений, высказанных непосредственно Альфредом и передававшихся устно. Однако более вероятное объяснение того, почему «Речения» были приписаны королю Альфреду, мы можем получить, обратившись к средневековой теории авторства. Некоторые исследователи, такие как Р. А. Роуз [Rouse 2005, p. 19] и Андре Крэпен [Crépin 1994, p. 51], указывают на понятие *auctoritas* и говорят, что текст «Речений Альфреда» им обладает, но тем не менее не развивают эту мысль дальше. Согласно средневековой теории авторства, есть *auctor* (автор) и *auctoritas* (авторитет). Как указывает С. С. Аверинцев, «[в] самом деле *auctor* – тот, кто полномочен и правомочен; *auctoritas* же сама его правомочность – сумма его полномочий [Аверинцев 1994, с. 106]. Если применить данную схему функционирования *auctoritas* на исследуемый нами текст, то «Речения Альфреда» можно интерпретировать как манифестацию возможности короля Альфреда посредством своей королевской власти призывать к исполнению той или иной поведенческой модели. Кроме того, Аластер Миннис отмечал: «Быть старым – значит быть хорошим; лучшие писатели были более древними. Часто, похоже, было и обратное: если произведение было неплохим, его средневековые читатели были склонны думать, что оно старое» [Minnis 2010, p. 56].

Вероятно, составитель «Речений» был образованным человеком, знавшим латынь и древнеанглийский; скорее всего, он использовал имя Альфреда Великого – короля конца IX в. – для создания свода изречений на английском языке, в основе которого лежали латинские «Двустия Катона». Кроме того, он знал о встрече Ассера и Альфреда рядом с Сифордом, что свидетельствует о двух возможных вариантах происхождения этого упоминания: либо он читал Ассера, текст которого не был самым популярным в Англии в XII в. [Rouse 2005, p. 44], либо жил в Суссексе, где сохранялись представления о короле Альфреде и его активности в регионе.

В завершение необходимо более подробно рассмотреть содержание «Речений Альфреда». Как мы уже отмечали, в «Речениях» можно выделить пять групп изречений разного толка: первая группа (строфы 1–5) касается «общественных» вопросов, вторая (строфы 6, 8, 9, 11, 12, 26, 27, 28, 29) посвящена богатству; третья (строфы 18, 19, 20, 25) – дружбе, четвертая (строфы 14, 16, 17, 21, 22 (25)) – семье; пятая (строфы 7, 10, 13, 15, 23 (26), 24 (23)) – общей мудрости. Каждая из этих групп содержит некоторые

советы, которые должны помочь как в повседневной жизни, так и в делах государственной важности, например, в организации суда. Приведем две из них, (4) [Arngart 1978, p. 10] и (20) [Arngart 1978, p. 17]:

4
 Pus cwað Alfred.
 "þan erl and þan eþeling:
 iberþ under be king.
 þat lond to leden
 mid lazelice deden.
 And þe clerc and þe cniht:
 demen euenliche riht.
 For after þat man soweb:
 al swilch he scal mowen.
 And efrilces mannes dom;
 to his ozere dure cherreþ."

4
 Так говорил Альфред:
 «Эрл и этелинг
 Должны подчиняться королю,
 Чтобы управлять страной
 Законным способом.
 И клирика, и рыцаря
 Судить одинаково справедливо.
 Ибо что человек посеет,
 То он и пожнёт.
 И суд каждого человека
 Возвращается к его собственной двери».

20
 þus cwað Alfred.
 "Mani appel is briht wiðuten:
 and bitter wiðinnen.
 Swo is mani berde:
 on hire fader bure.
 Scene under scete:
 and þeh he is scondful.
 Swo is mani gadeling:
 godelice on horse.
 Wlone bi glede:
 and unwurð at nede."

20
 Так говорил Альфред:
 «Многие яблоки красивы снаружи,
 Но гнили внутри.
 Так и многие благородные дамы:
 В отцовском доме
 Прекрасны под одеяниями,
 Но, однако, бесстыжи.
 Так же и многие товарищи по оружию:
 Великолепны на коне,
 Смелы у костра,
 Но никчемны в нужде».

Эти небольшие фрагменты свидетельствуют о различной направленности «Речений Альфреда», которую можно свести к дихотомии личного и общественного.

В заключение необходимо сказать про проблемы перевода. Порой было трудно сохранить ритмику текста. Кроме того, язык диалектного памятника XII в., созданного в период, когда какая-либо письменная норма отсутствовала, представляет определенные сложности в сравнении с более поздними памятниками средневековой англоязычной словесности. Кроме того, при переводе было решено отказаться от поэтического перевода ради лучшей передачи смысла речений.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Стасюлевич 2001 — Стасюлевич М. История Средних веков От Карла Великого до Крестовых походов. СПб.: АСТ, 2001. 688 с.

Arngart 1978 — Arngart S. Proverbs of Alfred an Emended Text. Sweden: Lund, 1978. 30 p.

Литература

Аверинцев 1994 — Аверинцев С. Авторство и авторитет // Историческая поэтика: литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994. С. 105–125.

Crépin 1994 — Crépin A. Mentalités anglaises au temps d'Henri II Plantagenêt d'après les Proverbs of Alfred // Cahiers de Civilisation Médiévale. 1994. Vol. 37. P. 49–60.

Gates, O'Camb 2019 — Gates, J. P. O'Camb B. Remembering the Medieval Present Generative Uses of England's Pre-Conquest Past, 10th to 15th Centuries. Boston: Brill, 2019. 339 p.

«Þus cwað Alfred». «Речения Альфреда» как памятник среднеанглийской словесности...

Keynes 1999 — Keynes S. The cult of King Alfred the Great // Anglo-Saxon England. 1999. Vol. 28. P. 225–356.

Minnis 2010 — Minnis A. Medieval Theory of Authorship. Philadelphia: Pennsylvania University Press, 2010. 350 p.

Minkova 1997 — Minkova D. The Credibility of Pseudo-Alfred: Prosodic Insights in Post-Conquest Mongrel Meter // Modern Philology. 1997. Vol. 94. P. 427–454.

Rouse 2005 — Rouse R. The Idea of Anglo-Saxon England in Middle English Romance. Cambridge: Cromwell Press, 2005. 189 p.

Сведения об авторе

Павел Назимович Новрузов, аспирант 1-го курса
Школы филологических наук НИУ ВШЭ
105066, Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4с1
Novruzov.P.N@hse.ru

P. N. Novruzov

«ÞUS CWAÐ ALFRED». «SAYING OF ALFRED» AS A MONUMENT OF MIDDLE ENGLISH LITERATURE: INTERPRETATION AND PROBLEMS OF TRANSLATION

Abstract

This article is devoted to a medieval source of English-language literature of the 12th century “The Proverbs of Alfred” and its translation into Russian. This work was translated into Russian for the first time; moreover, our translation is only the second translation into modern languages, after Olaf Arngart's 1978 translation. The article discusses source and semantic issues of the text of the “Proverbs of Alfred” – a work created in the 12th century, but survived in four manuscripts of the 13th century. The “Proverbs” are remarkable for their structure, in which two parts can be distinguished – the first (stanzas 1–5) is an address of King Alfred to his people, in which he gives general advice to his subjects, for example, in the field of court organization, etc. Whereas the second group, represented by speeches (stanzas 6–29), are King Alfred's advice, which can be interpreted as personal advice directed to ordinary people in order for them to live their lives in more righteous way.

Keywords

“Proverbs of Alfred”, authority, translation, Middle English, literature

А. И. Попович

ЦАРЬ VS МУЧЕНИК В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ*

Аннотация

Исследование посвящено мученическому дискурсу в политической культуре России раннего Нового времени. Прослеживаются истоки практики обличения царя-мучителя на Руси и анализируются конкретные случаи личных обращений к царю с целью его предупреждения и исправления. Показано, что критические обращения к царю Алексею Михайловичу патриарха Никона, обоснованные им в «Возражении» и послании царю в июне 1667 г., имели схожие черты с риторическими построениями старообрядческого инок Авраамия в «Христианоопасном щите веры». Начавшаяся во второй половине XVII в. полемика со старообрядческой самосакрализацией в 1722 г. получила законодательное оформление, связанное с исполнением Синодом приказов Петра I, касающихся «слова и дела». Среди конкретных страдальцев в указах Синода называются Григорий Талицкий и Василий Левин, которые, по мнению законодворцев, для того чтобы вызвать народное сочувствие, приняли на себя личину мучеников.

Ключевые слова

царь, мученик, мучитель, политическая культура, XVII век, петровская эпоха

Среди механизмов российской политической культуры XVI – начала XVIII в. особое место занимала возможность обличения царя-мучителя. Осуждение мучительства, иначе говоря тирании, заимствованное из византийской и европейской

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: идея “общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»).

Цитирование: Попович А. И. Царь vs мученик в политической культуре России раннего Нового времени // Человек и власть в эпоху русского Средневековья. М.: ИРЯ РАН, 2024. С. 44–49.

традиций, звучало в таких памятниках древнерусской книжности, как «Сказание о Дракуле», послание Федора Карпова к митрополиту Даниилу, «Просветитель» Иосифа Волоцкого, переписка Андрея Курбского и Ивана Грозного, «История о великом князе Московском» Курбского, публицистика Смутного времени и др.

Готовность правителей обсуждать эти политические идеи демонстрирует, в частности, реакция царя Ивана IV на выдвинутые Курбским обвинения в мучительстве и называние убитых «изменников» мучениками. Дискуссионный характер носили и не прекращавшиеся обсуждения праведности отдельных правителей Смутного времени (Лжедмитрия, Василия Шуйского, Бориса Годунова), по мнению В. Е. Вальденберга, свидетельствующие о том, что царская власть считалась ограниченной законом, беззаконие и нечестие при этом назывались главными чертами царя-мучителя [Вальденберг 1916, с. 366–370].

Таким образом, российское общество раннего Нового времени имело какую-то возможность воздействовать на власть и попытаться исправить царя-мучителя, например, через коллективные челобитные (если говорить о народных массах) или послания (индивидуальный вариант). В какой мере это ему удавалось и является ли сложившаяся история России результатом реальной работы этих механизмов ограничения власти – вопрос, не поддающийся ответу. Наряду с мучающим (мучителем) были и мучимые (мученики). В отличие от многих других языковых традиций, в русском языке слова «мученик» и «мучитель» стали однокоренными: «мученик» было переводом древнегреческого «μάρτυς» или латинского «martyr» (‘свидетель’), тогда как слово «мучитель» использовалось для перевода древнегреческого «τύραννος». Возможно, что такое взаимодополнение семантики нашло отражение и в практиках политической культуры, в частности, в трактовке «правды», ради которой обличитель царя готов претерпевать мученические страдания.

Примером индивидуально-личностного воздействия на царя Алексея Михайловича являются поведение и самохарактеристика патриарха Никона. В «Возражении» (ок. 1663 г.) на 27-й ответ Газского митрополита Паисия Лигарида боярину Семену Стрешневу Никон довольно подробно комментирует обвинение: «Один который называет мучителем велможнейшаго Царя нашего и смеет нарицати его несправедливаго обидетеля и хищника, что тому подобает по святым правилом?» [Никон 2004, с. 456]. Патриарх не спорит с тем, что именно ему принадлежит такая характеристика царя и сравнивает свое поведение с «дерзновением» библейских героев (в частности, Иосифа, Моисея, Аарона, Нафана и др.), обличавших «дерзости» правителей. Основное содержание его полемики касается рассуждений Паисия Лигарида о наказании за обличение. Никон подчеркивает, что нельзя подвергать подданного наказанию, если тот обличил царя «по правде»: «Аще и обличению словеса люта суща зело, на досаждение обличаемым вменяются, без правды убо досаждати не оставляет правило, якоже от различия разумети. По правде же кто обличает царя или князя, несть достоин муки» [Никон 2004, с. 456]. Если же царь накажет такого свидетеля, рассуждает Никон, то он выступит против самого Бога: «И которая досада царем, аще кто правду ему известует, а царь, возгордевся, не послушает, но и муки нанесет дерзостию на свидетеля. Не онаго укорит или отместся царь, но самаго Богу отместся» [Никон 2004, с. 457].

В качестве одной из «вин» Никона, обозначенных на суде над патриархом на Большом Московском соборе 1666–1667 гг., было бесчестие царя в форме называния его мучителем: «Первая вина написана, что я тебя, великово царя государя, бесчестил, мучителем называл» [Письмо патриарха Никона 2007, с. 438]. На обоснование собственной правоты, христианской правды в своих словах направлены разъяснения Никоном своих слов в письме царю из Ферапонтова монастыря после суда: «Аз убо, о царю, не точию страдати всѣизволяю, но и умрети готов есмь правды ради, только бы не во твое царство» [Письмо патриарха Никона 2007, с. 438].

В этом послании Никон вспоминает и свое 27-е возражение на ответ Лигарида. Отсылка на заповедь блаженства «изгнанных правды ради» также способствовала, с одной стороны, самосакрализации Никона, а с другой – обличению ведущего себя неправедно царя. Памятной патриарху и царю была также судьба осудившего действия Ивана IV митрополита Филиппа II (Колычева), чьи мощи были перенесены в 1652 г. из Соловецкого монастыря в Москву.

Важно, что Никон отказывается здесь от прямых обличений Алексея Михайловича, но намекает на саму возможность признания его правления мучительским: «Сего ради сугубо приходит плакати – ово своих бѣдъ и зол, ово твоего ради царства, яко такое зло приспѣ въ твое царство содѣлатись, занеже не добра тебѣ, великому царю государю, похвала» [Письмо патриарха Никона 2007, с. 438]. Функционально такую модель обращения к царю можно назвать предупредительной. Обличение царя становится возможным лишь после подтверждения его мучительского облика, до этого времени его фигура священна и неприкосновенна. Это наблюдается и в многочисленных старообрядческих челобитных и других текстах, адресованных царю. Так, инок Авраамий в «Молении от лица озлобленных чад церковных о умирении святых Церкви» в «Христианоопасном щите веры против еретического ополчения» напоминает царю само содержание понятия «мучитель», обличая его отступничество от христианской веры:

А аще ты нынѣ, царю, мнишися правую вѣру обрѣсти паче отецъ своихъ: то уже отцы твои, благовѣрнии цари и князи, злочестиви быша и православныя вѣры отступиша; аще ли они, государи наши, православнии быша и правую вѣру держаша, и въ томъ благочестии и души своя въ руцѣ Христу Богу предаша: то ты нынѣ, царю, нечестивый еретикъ и новый отступникъ православныя вѣры и восточныя соборныя церкви, и новый же въ Руси царь, мучитель и гонитель святыхъ прозовешися [Материалы для истории раскола 1885, с. 213].

Именно в старообрядческой традиции наиболее последовательно оформляется тенденция называния себя мучениками в православном государстве, своего рода самосакрализация [Плюханова 2000]. Нивелирование сакрального статуса правителя, таким образом, часто соединялось с наделением святостью подданных, вступавших с ним в конфликт. Не случайно в начале XVIII в. Петр I предпринимает меры для своего рода контроля над оборотом святости и буквально регламентирует распределение мученических венцов внутри Российского государства. Вопросы, которые в конце XVII в. лишь обсуждались (такие как: кого можно называть мучениками, а кого нет? могут ли появляться мученики за веру в настоящее время?), в петровскую эпоху получают законодательную базу. С одной стороны, это было развитие мер религиозного дисциплинирования и применение на практике положений «Духовного регламента», но с другой стороны, эти решения относились не только к собственно духовной, но и к политической сфере. Полемика с мучениками внутри православного государства стала в полной мере светским дискурсом, внутри которого во главу угла ставились интересы государства, а отнюдь не соображения сохранения чистоты веры.

21 июля 1722 г. вышло первое издание увещания, подготовленного Синодом по приказу Петра I и предназначенного для чтения «по всямѣсячно въ воскресныя дни и господския праздники во святых церквахъ, а при ярмонкахъ, гдѣ многонародное бываетъ собрание, и пред церквами для множества людей...» [Увещание Синода 1722, л. 4 об.]. Увещание, не имевшее в печати заголовка, получило в историографии название «О недействительности самовольного страдания, навлекаемого законопреступными деяниями» [ПСЗ 1830, № 4053, с. 742]. Его текст в основном был составлен из отдельных мест толкования на блаженство «изгнанных правды ради» из книги Феофана Прокоповича «Христовы о блаженствах проповеди толкование», над которой он работал как минимум с 1720 г. (первое издание вышло 16 марта 1722 г.) [см.: Попович 2021,

с. 1267–1271]. Толкование на блаженство «изгнанных правды ради» было наиболее развернутым среди прочих толкований, составивших эту книгу, и занимает четверть от нее [Прокопович 1722, л. 103 об.–138].

Чисто религиозные соображения в увещании отодвинуты на второй план. Как и свойственно указам, пусть и синодальным, этот текст носил прогосударственный характер. Как и в толковании Прокоповича, здесь обличается аргументация старовеков: помимо всего прочего, они обвиняются в тщеславном желании славы мученика и обличителя власти:

Сии же прелщающии и прелщаемии глупцы православнаго Монарха безчестить, и аще бы могли и низринуть, и за таковую безбожную дерзость страдать до крове не стыдятся, помышляюще, что страдание то честное будетъ и славное. Имѣли бо окаянная времена наша и такового изумления образцы: явились единъ и другии, котории на высочайшую власть не за нѣкую ея неправду <...>, но славится дерзновениемъ своимъ и мнимымъ мужествомъ возжелавше, и тако забывше страхъ Божий, не убоялися изблевати досадительная дерзословия, хулы и укоризны, яковый и въ нынѣшнее время тѣмже суесловиемъ прелстивший себе явился злодѣй, разстрига Василий Левинъ, который желая страдания, не помня же суда Божия, не устрашился предъ простымъ народомъ произнести пребезумныя злословия своя на державнѣйшаго помазанника Божия, власть высочайшую и неприкосновенную. Таковии же треокаяннии челоувѣцы прелщаются, симъ будущия славы мечтаниемъ услаждающе себе, хвалимъ буду, и блажимъ отъ всѣхъ, аще за сие постражду, напишется о мнѣ история, пронесется всюду похвала, не единъ удивляясь скажетъ о мнѣ, великодушень мужъ былъ, Царя обличилъ, мукъ лютыхъ не убоялся [Увещание Синода 1722, л. 2 об. – 3].

В указе упоминается отставной капитан Василий Левин (в монашестве Варлаам), который 19 марта 1722 г., как сообщает другой синодальный указ от 17 мая того же года («О объявлении священникам открытых им на исповеди преднамеренных злодейств...»), «пришедъ въ городъ Пензу, кричал всенародно многия злыя, до превысокой Его Императорского Пресвѣтлаго Величества чести касающияся, и весьма вредительныя Государству слова» [ПСЗ 1830, № 4012, с. 687]. В одном ряду с Левиным (не называемым в этом указе по имени) упоминаются Григорий Талицкий, судебное дело которого завершилось еще в 1701 г., и царевич Алексей Петрович. Талицкий как один из тех, которые «страдать за ложное свое мнѣние в мученичество себѣ вмѣняютъ», упоминался также в указе Синода от 27 января 1722 г. («Пастырское Святейшего Синода увещание к обращению раскольников...») [ПСЗ 1830, № 3891, с. 495]. В этом смысле вызвавшее большой резонанс дело Талицкого [см.: Акельев 2022, с. 270–314] в 1722 г. оказалось созвучно процессу над Левиным. Таким образом, объявление Петра антихристом, времени – гонительным, а себя – страдальцами вызывало политические обвинения в измене, влекшие громкие и постоянно вспоминаемые самой властью процессы «слова и дела».

Разумеется, подобные законодательные меры не могли предотвратить появление в государстве новых «мучеников» и новых обвинений в «мучительстве». При этом понятие «мученик» все больше отступало от своего канонического значения и приобретало политическое звучание. Законотворческая попытка Петра I – довольно яркий пример власти управлять самим мученическим дискурсом. Безусловно, замысел этой идеи был напрямую связан с масштабами проблемы старообрядческой самосакрализации, однако дело было не столько в вере. Сакрализация политических оппонентов–«мучеников», бесчестящих самого государя, была опасна, поскольку у старообрядцев был большой ресурс народной поддержки (не случайно в ряде обличительных памятников постоянно говорится о злоупотреблении общественным мнением). «Развенчание» такого рода мучеников вписалось в ряд прочих мер «регулярного государства».

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Материалы для истории раскола 1885 — Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые братством св. Петра митрополита / под ред. Н. Субботина. М.: Тип. Э. Лисспера и Ю. Романа, 1885. Т. 7. XXX, 433 с.

Никон 2004 — Никон, патр. Труды / подг. В. В. Шмидт. М.: Издательство Московского университета, 2004. 1264 с.

Письмо патриарха Никона 2007 — Письмо патриарха Никона царю Алексею Михайловичу (июнь 1667 г.) // Севастьянова С. К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками. Исследование и тексты. М.: Индрик, 2007. С. 438–449.

Прокопович 1722 — [Прокопович Ф.] Христовы о блаженствах проповеди толкование. СПб.: Тип. Троицкого Александро-Невского монастыря, 16 марта 1722. 140 л.

ПСЗ 1830 — Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собрание первое. СПб.: Тип. II Отделения С. Е. И. В. К., 1830. Т. 6 (1720–1722). 818 с.

Увещание Синода 1722 — [Увещание Синода]. М.: Синод. тип., 21 июля 1722. 4 л.

Литература

Акельев 2022 — Акельев Е. В. Русский Мисопогон: Петр I, бранобритие и десять миллионов «москвитов». М.: Новое лит. обозрение, 2022. 624 с.

Вальденберг 1916 — Вальденберг В. Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. Пг.: Тип. А. Бенке, 1916. 463 с.

Плюханова 2000 — Плюханова М. Б. О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самоожжение, плавание на корабле // Из истории русской культуры. Т. 3: (XVII – начало XVIII века). 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 380–459.

Попович 2021 — Попович А. И. «Жажда мучения» vs страдание «правды ради»: полемика о старообрядческой жертвенности на переломе эпох // Quaestio Rossica. 2021. Т. 9. № 4. С. 1259–1277.

Сведения об авторе

Алексей Игоревич Попович, младший научный сотрудник
Лаборатории эдиционной археографии,
ассистент кафедры русской и зарубежной литературы
Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19
alexeyropowich@mail.ru

A. I. Popovich

TSAR VS MARTYR IN THE POLITICAL CULTURE OF EARLY MODERN RUSSIA

Abstract

The study is devoted to the martyrdom discourse in the political culture of Early Modern Russia. The article outlines the origins of the practice of denouncing the tsar-tormentor in Rus' and analyses cases of personal appeals to the tsar to warn and correct him. It is shown that the critical appeals to tsar Alexei Mikhailovich of Patriarch Nikon, substantiated by him in the “Objection” and the message to the tsar in June 1667, had similar features to the rhetorical constructions in “The Christian’s Secure Shield of Faith” of the Old Believer monk Avraamii. The polemic against Old

Believer self-sacralisation, which began in the second half of the 17th century, received a legislative basis in 1722 in connection with the execution by the Synod the orders of Peter the Great concerning “word and deed”. Among such sufferers, the decrees of the Synod name Grigory Talitsky and Vasily Levin, who, according to legislators, in order to evoke popular sympathy, took on the guise of martyrs.

Keywords

tsar, martyr, tormentor, political culture, 17th century, Petrine era.

А. А. Преображенская, А. Г. Флорес

**ПОЭТ И ЕГО ПОКРОВИТЕЛИ:
К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА
ПИСЕМ И ПОСЛАНИЙ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО**

Аннотация

Настоящая заметка посвящена проблеме социально-исторического контекста писем и посланий первого русского придворного поэта Симеона Полоцкого (1629–1680). В заметке предлагается краткий обзор корпуса сохранившихся писем Симеона и обсуждаются методологические проблемы работы с эпистолярным материалом. Отдельно исследуются послания Симеона его «покровителям»; сделана попытка рассмотреть письма как источник по истории патрон-клиентских отношений и отношений литератора и мецената/меценатов в России второй половины XVII в.

Ключевые слова

Симеон Полоцкий, письма, послания, письмовник, патрон-клиентские отношения, меценатство и меценаты, покровители, язык патроната

Творчество Симеона Полоцкого (1629–1680), первого русского придворного проповедника и первого русского профессионального литератора, не раз оказывалась в фокусе самых многочисленных и разнообразных исследований, преимущественно литературно-филологических, однако единственной относительно полной биографией поэта до сих пор остается написанная в XIX в. монография Иерофея Алексеевича Татарского [Татарский 1886], которая, благодаря новейшим исследованиям жизни и творчества Симеона, может быть значительно дополнена и расширена, в частности, новыми сведениями о финансовом положении поэта [Лаврентьев, Преображенская

Цитирование: Преображенская А. А., Флорес А. Г. Поэт и его покровители: к проблеме социально-исторического контекста писем и посланий Симеона Полоцкого // Человек и власть в эпоху русского Средневековья. М.: ИРЯ РАН, 2024. С. 50–57.

содержательной части, эти тексты не могут претендовать на роль литературных посланий². Наконец, предполагаемая «литературность» посланий (не только их пригодность для дальнейшего использования в качестве образцов, но и их «литературная» содержательность [см. Поньрко 1992, с. 3–4]), связанная с их включением в письмовник, нуждается в дополнительной проверке. Несомненно, в случае Симеона мы имеем дело с попыткой «воспитать, образовать» не только своих непосредственных корреспондентов, но и более широкую аудиторию, представить обмен литературно-интеллектуальными, «дружескими» посланиями как практику, достойную образованного человека. Эта «литературность» – с точки зрения самого автора посланий; наличие позднейших списков этих писем (т. е. фактическое использование «письмовника») – предмет отдельного исследования.

Материал, имеющийся в нашем распоряжении, предполагает решение целого ряда методологических проблем.

Во-первых, остается открытым вопрос, какие письма были реально отправлены адресатам, а какие – составлены специально для письмовника: без тщательного сопоставления всех копий «письмовника» и без попытки идентифицировать адресанта и адресанта нельзя утверждать наверняка, что какие-либо послания не являлись результатом литературных упражнений. Прояснить этот вопрос поможет черновая рукопись письмовника из РНБ³. Была бы безусловно полезна и обнаруженная нами в ходе исследования третья копия письмовника [Георгиевский 1896, с. 226, № 105]; однако на данный момент рукопись в фондах Владимирского музея-заповедника не значится (вероятно, была утрачена). Предположительно, это была промежуточная копия, т. е. отредактированный черновик: хорошо известно, что многие сочинения Симеона – например, сборники его проповедей – сохранились до наших дней в трех копиях «допечатной подготовки»: черновой, промежуточной и белой (например, в трех рукописных копиях сохранились сборники проповедей «Обед душевный» и «Вечера душевная»).

Во-вторых, только для небольшого количества посланий имеются все необходимые метаданные, такие как имя адресата, адрес, дата, подпись адресанта. Часто, даже если известно имя получателя письма, практически невозможно установить, кем был этот человек и что его связывало с Симеоном Полоцким.

В-третьих, хорошо известно, что Симеон составлял разные тексты для других лиц: проповеди, речи, орации, стихотворные приветствия, в том числе и письма. Часть подобных текстов была известна уже И. А. Татарскому, который указал на ряд рукописей, но не обозначил конкретные сочинения. Без сомнения, необходимо собрать по возможности полный корпус таких текстов, так как он станет прямым свидетельством «литературного» участия Симеона Полоцкого в церковной жизни Москвы.

На данный момент мы располагаем «формулярами» и оригиналами для двух проповедей⁴ и одной речи. Так, приветственная речь вселенским патриархам, произнесенная митрополитом Казанским и Свияжским Лаврентием [Дело о патриархе Никоне, 1897, с. 271–273, № 50], была сочинена Симеоном – она читается в сборнике приветственных речей ОР ГИМ. Син. собр. № 229 (далее Син. 229. – А. П., А. Ф.).

Наконец, во всем корпусе писем Симеона Полоцкого почти не сохранилось ответных писем: у нас имеются пять ответов Лазаря Барановича [Письма преосвященного Лазаря Барановича, 1865, с.] и семь – Сильвестра Медведева [см. Браиловский]. Чаше всего

2 Исключение составляют, пожалуй, два утешительных послания, адресованных думному дьяку Дементию Миничу Башмакову по случаю кончины его жены. Об этих письмах см. [Preobrazhenskaya 2016].

3 И. А. Подтергера отмечала, что рукописи РНБ и РГАДА содержат пометы, из которых становятся известны адресаты и адресанты, даты и другие метаданные [Подтергера, 2000, с. 39].

4 Это формулярные проповеди «на погребении честных жены» и «на погребении архиерея» из приложения к «Вечери душевной».

Полоцкий занимал при царском дворе. Нужно хорошо понимать, что русское общество второй половины XVII в. не предполагало места для свободного художника. Симеон занял беспрецедентную позицию в московском обществе, будучи монахом с одной стороны, и при этом фактически выполняя функции придворного светского человека: жизнь Симеона в Москве обеспечивалась за счет средств двора (из Приказа большого прихода⁷), причем в отличие от чинов двора, Симеон получал содержание и на «домовые потребности» (продукты питания, сено и овес для лошади и т. д.), для Симеона даже были построены специальные кельи на территории Заиконоспасского монастыря [см. об этом подробнее в Лаврентьев, Преображенская 2020, с. 756].

Сведения о покровителях Симеона из среды московского и южнозападнорусского духовенства и московской аристократии сохранились в источниках нескольких типов: в эпистолярных и стихотворных⁸ текстах, а также в маргинальных пометах из рукописей Симеона.

Сохранилось около десяти частных писем Симеона, адресованных его «покровителям», однако не вызывает сомнения, что часть писем – это только попытка установить отношения покровительства [Полонский 2011, с. 76]. Кроме того, надо полагать, что письма подобного рода (как, например, рассмотренная ниже просьба о покровительстве, адресованная влиятельному лицу) могли не предполагать ответа.

Покровители Симеона из духовной среды представляются достаточно очевидными – будучи монахом, Симеон не мог не иметь благоволивших ему церковных иерархов, таких как митрополит Сарский и Подонский Павел, митрополит Рязанский и Муромский Иларион, митрополит, а затем и патриарх, Новгородский и Великий Лук Питирим, архимандрит московского Богоявленского монастыря Амвросий⁹, митрополит Казанский и Свияжский Лаврентий и т. д.

Симеон не только писал для этих людей проповеди на заказ: для каждого митрополита он составил, также на заказ, по духовной грамоте. Любопытен сам факт того, что митрополиты заказывали литературные тексты именно у Симеона, а не в своей митрополичьей канцелярии, что можно рассматривать и как заслугу литературных талантов Симеона, и как «моду» на его сочинения, и как реализацию патрон-клиентских отношений. Эти знакомства складывались, по-видимому, на основе общей деятельности, и вряд ли их можно назвать отношениями литератора и меценатов.

Меценатами же Симеона, в собственном значении этого слова, можно назвать нескольких членов Боярской думы: боярина Богдана Матвеевича Хитрово, боярина князя Юрия Петровича Трубецкого, боярина князя Юрия Алексеевича Долгорукого, окольничего Федора Михайловича Ртищева, думного дьяка Дементия Минича Башмакова.

Одним из самых могущественных покровителей Симеона был боярин Богдан Матвеевич Хитрово. В «письмовник» Симеон включил адресованное Богдану Хитрово послание, датированное нами периодом между 1667 и 1670 г. Это формулярный текст послания, представляющий собой образцовую просьбу о покровительстве, обращенную к влиятельному человеку.

Среди услуг, которые Симеон оказывал Богдану Матвеевичу Хитрово, были проповедничество и литературные труды: в храмах принадлежавших Богдану Хитрово сел Киево¹⁰ и Братцево Симеон на протяжении нескольких лет читал проповеди; в «Рифмологион» включены стихотворные послания Богдану Хитрово на именины и на Рождество;

⁷ Что также могло служить основой для патрон-клиентских отношений. Мы благодарим за этот ценный комментарий нашего коллегу Андрея Владимировича Топычанова.

⁸ Стихотворные послания из сборника «Рифмологион» [например: Симеон Полоцкий. Virshi, 1990, с. 280, 281, 283 и т. д.]

⁹ Богоявленский монастырь, пожалуй, единственный в кейсе Симеона случай покровительства на основе сососедства. Богоявленский монастырь располагался практически напротив Заиконоспасского, в котором жил Симеон.

¹⁰ На территории современной Лобни.

в сборнике Син. 229. читается духовная грамота, составленная Симеоном для Богдана Хитрово [Син. 229, л. 296 об. – 298].

Другой покровитель Симеона – «ближайший предстоятелю благочестивѣйшаго самодержца избраннѣйший» воевода боярин князь Юрий Алексеевич Долгорукий. В письмовник № 130 включено адресованное боярину послание Симеона [Син. 130, л. 202 об.–203 об.; РНБ F.XVII 83, л. 243–243 об.], которое содержит благословение Юрию Алексеевичу и его войску. В «Рифмологионе» содержится несколько стихотворных приветств, адресованных боярину¹¹, в том числе и утешительное стихотворение на смерть брата Юрия Алексеевича [Симеон Полоцкий. *Вирши*, 1990, с. 281].

Наконец, еще один покровитель Симеона – думной дьяк Дементий Минич Башмаков. Сохранилось два утешительных послания, адресованных Дементию Миничу по случаю смерти его жены. Письма различаются, по всей видимости, степенью формальности (в первом послании присутствует обращение «дядюшко»).

Отдельного исследования заслуживает так называемый «язык патроната». С одной стороны, часто встречающиеся в письмах Симеона риторические витиевато украшенные формулы безусловно принадлежат эпистолярному этикету. С другой стороны, в эти формулы Симеон включает не только титулы и имена адресатов, но и термины, обозначающие их статус покровителя по отношению к Симеону.

Так, во всех письмах к членам Боярской думы в приветствия включено наименование/обращение «благодетель», обозначающие патрона (см., например, письмо Богдану Хитрово: «Благородный и во православии свѣтло сияющий госудрю мой Богданъ Матвеевичъ. Бояринъ, и ближайший предстоятелю пресвѣтлаго царьскаго величества. **Благодѣтелю мой премилостивый**» [Син. 130, л. 125].

Однако тут надо сделать оговорку: в различных составленных Симеоном речах, которые читаются в Син. 229, Симеон использует слово «благодетель», обращаясь не только к покровителям: так же именуется родитель в речах, адресованных от сына к отцу, и духовный отец в речах, составленных от имени духовного чада.

В самих текстах писем встречаются также обращения «ходатай» и «заступник». Себя же Симеон называет «смирненным рабом», «присным богомольцем» и «единым от питомец»; из этого ряда только последняя формула может быть рассмотрена в качестве примера языка патроната.

Подводя итог, можно с уверенностью говорить, что письма Симеона Полоцкого, рассмотренные в социально-исторической перспективе, представляют собой многообещающий материал для дальнейшего исследования. Особенно любопытным представляется изучение посланий Симеона в контексте патрон-клиентских отношений. Несмотря на то, что «российское общество было пронизано разными формами связей и зависимостей» [Анисимов, Базарова и др. 2022, с. 51] и что рамка патрон-клиентских отношений может быть не всегда применима к российской действительности и не всегда полезна, кейс Симеона Полоцкого дает возможность говорить о существовании в допетровской Руси такого типа патрон-клиентских отношений, как отношения художника и мецената/меценатов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Браиловский 1901 — Браиловский С. Н. Письма Сильвестра Медведева. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1901. 65 с.

Дело о патриархе Никоне 1897 — Дело о патриархе Никоне. СПб: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1897. 510 с.

¹¹ См. также об этом [Преображенская 2023, с. 293]

Письма преосвященного Лазаря Барановича — Письма преосвященного Лазаря Барановича с примечаниями. Чернигов: Тип. Ильинского монастыря, 1865. 256 с.

ОР РНБ. F.XVII 83.

Симеон Полоцкий. Вирши — Симеон Полоцкий. Вирши. Минск: Мастацкая літаратура, 1990. 446 с.

Син. 130 — ОР ГИМ. Син. собр. № 130. «Письмовник» Симеона Полоцкого.

Син. 229. — ОР ГИМ. Син. собр. № 229.

Литература

Анисимов, Базарова и др. — Анисимов Е. В., Базарова Т. А., Проскуракова М. Е. «Наш патрон и заступник»: язык корреспондентов А. Д. Меншикова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2022. Т. 21. № 1: История. С. 49–62.

Георгиевский 1896 — Георгиевский В. Флорищева пустынь. Историко-археологическое описание с рисунками. Вязники: Типо-литография С. К. Матренинского, 1896. 416 с.

Лаврентьев, Преображенская 2020 — Лаврентьев А. В., Преображенская А. А. Симеон Полоцкий: «финансовый портрет» // *Slavia Orientalis*. 2020. Т. LXIX. № 4. С. 747–765.

Подтергера 2000 — Подтергера И. А. Письма и послания Симеона Полоцкого: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2000.

Полонский 2011 — Полонский Д. Г. Эпистолярный этикет во взаимоотношениях А. Д. Меншикова с представителями властной элиты Петровской эпохи // Меншиковские чтения – 2011: Научный альманах. СПб., 2011. Вып. 2 (9). С. 75–93.

Понырко 1992 — Понырко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII вв. / Отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб.: Наука, 1992. 214 с.

Преображенская 2023 — Преображенская А. А. Проповедь Симеона Полоцкого «на погребении честных жены»: приготовление христианки к смерти в последней четверти XVII в. // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2023. № 1. С. 287–309.

Татарский 886 — Татарский И. А. Симеон Полоцкий: (Его жизнь и деятельность). М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1886. 343 с.

Уо 2015 — Уо Д. К. Распространение новостей в России XVII в.: эпистолярный опыт Патрика Гордона // *Quaestio Rossica*. 2015. № 3. С. 119–140.

Федотова 2005 — Федотова М. А. Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского: исследование и тексты. М.: «Индрик», 2005. 384 с.

Харлампович 1914 — Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. 878 с.

Preobrazhenskaya 2016 — Preobrazhenskaya A. «Cast Thy Burden upon the Lord, and He Shall Sustain Thee»: Consolatory Letter Practices at the Muscovy Tsar's Court in the Second Half of the Seventeenth Century // *Ceræ: An Australasian Journal of Medieval and Early Modern Studies*. 2016. Vol. 3. P. 1–21.

Rolland 1985 — Rolland P. A. «Dulce est et fumos videre Patriae» – Four Letters by Simiaon Polacki // *Harvard Ukrainian Studies*. 1985. Vol. 9. №. 1/2. P. 166–181.

Сведения об авторах

Анастасия Александровна Преображенская, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории древнерусской культуры ШАГИ ИОН РАНХиГС

119571, Москва, проспект Вернадского, д. 82

anastasja.preobrazhenskaya@gmail.com

Анна Грегориовна Флорес, младший научный сотрудник
Отдела историко-культурных исследований русского языка
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

flore-anna@yandex.ru

A. A. Preobrazhenskaya, A. G. Flores

**POET AND HIS PATRONS:
TO THE PROBLEM OF SOCIAL AND HISTORICAL CONTEXT
OF LETTERS WRITTEN BY SIMEON OF POLOTSK**

Abstract

This short article is devoted to the problem of social and historic context of letters and epistles of the first Russian court poet Simeon of Polotsk (1629–1680). A brief description of the corpus of Simeon’s letters is provided, and methodological problems concerning working with letters as a historical source are discussed. Separately studied Simeon’s letters addressed to his “patrons”; an attempt is made to treat these letters as a source on the history of patron-client relations and relations between an artist and art patrons in the second half of the 17th century in Russia.

Keywords

Simeon of Polotsk, letters, epistles, letter-writers, patron-client relations, art patronage and patrons, patrons, language of patronage

Я. А. Спасская

МОНАШЕСКИЙ ПОСТРИГ В СЕМЬЕ РЮРИКОВИЧЕЙ: ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ КНЯЖЕСКОГО СТАТУСА

Аннотация

Статья посвящена исследованию вопроса о принятии представителями семьи Рюриковичей монашеского пострига. В работе рассматриваются отношение родственников и близких к пострижению, иноческая деятельность потомков Рюрика, а также трансформация княжеского статуса после ухода в обитель.

Ключевые слова

монашеский постриг, династия Рюриковичей, княжеский статус

Со времени правления Ярослава Владимировича Рюриковичи уделяли большое внимание основанию и финансовой поддержке монастырей, были тесно связаны с игуменами и подвижниками (так, Феодосия Печерского с целью духовной беседы посещал князь Изяслав [см. БЛДР 1, с. 385–425]). Зачастую правители этой династии сами принимали монашеский постриг перед кончиной. Однако жития подробно описывают уникальные случаи, когда представители княжеской семьи добровольно решали посвятить себя служению Богу в начале жизненного пути.

Источниками по данной теме являются агиографические произведения, а именно: «Житие преподобной Евфросинии Полоцкой» и «Слово о преподобном Святоше, князе Черниговском». Хотя агиографический жанр предполагает трафаретные элементы [Pratsch 2005, p. 11], в выбранных нами источниках можно найти и информацию, касающуюся исторических реалий средневековой Руси. Первый источник представляет собой памятник восточнославянской агиографической литературы XII в., сохранившийся в шести редакциях и более чем в 130 списках XVI в. [Воронова 1987]. По мнению белорусского исследователя А. А. Мельникова, житие было основано

Цитирование: Спасская Я. А. Монашеский постриг в семье Рюриковичей: особенности трансформации княжеского статуса // Человек и власть в эпоху русского Средневековья. М.: ИРЯ РАН, 2024. С. 58–62.

на записях человека из круга «слуг» Евфросинии – Михаила [Книга жыцій і хаджэн-няў, с. 25–41], А. В. Назаренко ограничивал время его составления домонгольским периодом [Назаренко 2001, с. 633]. Источник, иллюстрирующий жизнеописание Николая Святоши, дошел до настоящего времени в составе Киево-Печерского патерика и фокусируется преимущественно на описании различных монашеских подвигов [Коваленко 2011].

Первое, на чем сходятся оба жития – процесс ухода в монастырь проходил в строжайшем секрете от близких и родственников. Свидетельством этого может служить «Житие преподобной Евфросинии Полоцкой», где рассказывается о том, что постриг Предслава Георгиевна совершила в ответ на попытку насильственного замужества. Не соглашаясь отдать себя в супружество «земному смертному мужу», княжна в тайне от всех ушла в женский монастырь, игуменией которого была вдова князя Романа Всеславича, т. е. дяди Предславы. Таким образом, секретность пострига Евфросинии была связана с обязанностью заключения выгодного брака, которую на неё возлагали её титулованные родители. Другую причину сокрытия пострижения в монахи можно найти в древнейшей части Киево-Печерского патерика в рассказе о Святославе¹, старшем из сыновей черниговского князя Давыда Святославича. Будущий наследник черниговского престола также был вынужден скрывать свой постриг, так как близкие предопределили ему княжескую карьеру.

Стоит отметить, что рожденным под княжеской фамилией детям предполагалось выполнять соответствующие им почетные обязанности [Лавренченко 2021]. Не исключено, что именно уход от семейных и политических обязательств разочаровывал родителей будущих монахов сильнее, нежели само желание «пребывать в черном обличии». В подтверждение этому можно привести слова близкого к семье Давыдовичей лекаря-сирийца по имени Петр. Он, от лица братьев Николая Святоши, порицал его: «Кий убо князь се сътвори? Или блаженный отец твой Давидъ, или дѣд твой Святославъ...» [Абрамович 1930, с. 115], делая акцент на том, что поступать подобным образом, т. е. отречься от княжения и становится монахом, не подобает наследнику престола.

Из близких Евфросинии Полоцкой именно ее отец, Георгий Всеславич, наиболее радикально отреагировал на решение дочери. Князь, исходя из житийного текста, не одобрял решение о пострижении не только своей старшей дочери, но и ее последовательниц, которыми стали Городислава Георгиевна и Звенислава Борисовна. Вероятно, это было вызвано исключением сразу трех претенденток на заключение династических браков, которые существенно расширили бы политические возможности семьи. Известно, что перед постригом Евфросинии обсуждался вопрос о ее замужестве [ПСРЛ 21, с. 207]. Кроме того, очевидно, благородный родитель переживал за здоровье своей «отроковицы», поскольку монашеская жизнь предполагала чрезвычайно сложные испытания, в том числе физические работы и воздержание в пище. Последний аргумент фигурирует и в словах близких Николая Святоши, которого неоднократно укорял его лекарь Петр: «...Изяславъ и Владимиръ велику укоризну имѣта собѣ нишетою твоею, како от таковыа славы и чести въ послѣднее убожество прииде, еже уморяти тѣло свое и датися в недугъ неподобныа пища» [Абрамович 1930, с. 114]. Действительно, образ монашеской жизни мог отрицательно сказаться как на состоянии здоровья подвизавшегося, так и на статусе всей княжеской семьи, т. к. подобные воздержания представителя династии могли вызвать негативную

¹ Свое родовое княжеское имя этот князь унаследовал от деда – Святослава Ярославича. Никола – это иноческое имя Святослава Давыдовича, которое, вероятно, было получено им при крещении [см. Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. 2017, с. 89]. Появление имени *Святоша* либо было связано с его монашеской деятельностью и являлось своеобразным прозвищем или эпитетом, либо было вызвано потребностью отличать Святослава Давыдовича от его прославленного деда [см. Литвина, Успенский 2006, с. 442].

реакцию в общественном мнении. Образ слабого и больного бывшего наследника престола вероятно мог считаться поводом для падения репутации всей черниговской ветви Рюриковичей, поскольку в лице будущего правителя метафизически олицетворялось состояние его владения [Вигарелло 2012, с. 297–310].

Примечательно, что подобное сопротивление принятию человеком пострига со стороны его семьи было весьма распространенным явлением. С этой проблемой столкнулись не только представители княжеской семьи, но и многие другие. Так, Феодосий Печерский, отправившись с паломниками в места пребывания Иисуса Христа, был настигнут матерью, явно противившейся желанию сына служить Богу. «Тольми же гнѣвъмь одръжима, яко и въ домъ ей пришьдъши, бити и, дондеже изнеможе», – повествуется в житии [БЛДР 1, с. 358]. Следовательно, принятие пострига как представителями княжеской династии, так и выходцами из других слоев общества зачастую встречало сопротивление и неодобрительное отношение со стороны родителей.

Наибольший интерес вызывает вопрос о статусе представителей Рюриковичей, постриженных в монахи. В источниках житийного жанра содержится большое количество сведений о иноческих деяниях Евфросинии и Николая. Исследуя житие преподобной, можно сделать вывод о том, что основные ее усилия заключались в образовательной и просветительской деятельности многих людей. Во-первых, Евфросиния способствовала формированию культурного центра Полоцкой земли, местом нахождения которого стал Софийский собор. Здесь она «...начат книги писати своима рукама, наем емлющи, требующим даяше...» [ПСРЛ 21, с. 209]. Во-вторых, в церкви Св. Спаса в местечке Сельцо блаженная устроила при обители школу для девиц, желавших в чистоте послужить Господу Иисусу Христу. Таким образом, Евфросиния стала наставницей и руководительницей для юных особ, отрекавшихся от мира и облачавшихся в чернеческие ризы. Интересно, что ее последовательницами стали прежде всего представительницы женской части княжеской семьи. В частности, ее родная сестра – Городислава и дочь князя Бориса – Звенислава, а также племянницы Кироанна и Ольга. Вероятно, принятие решения о пострижении проходило легче и успешнее благодаря близким связям с родственницей. В-третьих, деятельность Евфросинии способствовала появлению в Полоцке Эфесского облика Святой Богородицы. Произошло это событие около 1160 г. [Шалина 1996]. Таким образом, Евфросиния после пострижения совершила множество разнообразных благих дел, в том числе с ее помощью были установлены контакты с византийцами, т. е., будучи игуменией, она не была полностью отречена от внешнего мира. Напротив, ей удалось сохранить международные связи, финансовые возможности представителя княжеской династии, авторитет и т. д., которые способствовали возвышению статуса Полоцка.

Не менее интересны поступки монаха Киево-Печерского монастыря преподобного Николая Святоши. Во-первых, в Киево-Печерском патерике подчеркивается, что он первый из княжеской династии, кто решил посвятить свою жизнь служению Богу. Его постриг, по мнению самого Святоши, должен был стать образцом для подражания. Об этом свидетельствует изречение самого монаха: «Аще же ни единъ князь сего не сътворилъ прежде менѣ, предвождай да авлюся имъ: якоже ли поревнуеть сему, и да въслѣдуеть сему и мнѣ» [Абрамович 1930, с. 115]. На практике миссионерская деятельность Святоши была успешна. Так, например, его лекарь Петр, уверовав в силу Божью, по примеру своего господина принял монашеский постриг. Не исключено, что именно княжеский авторитет, которым продолжал обладать монах, во многом способствовал успешной реализации проповедничества.

После принятия пострига многочисленные княжеские привилегии становятся недоступными как для Евфросинии, так и для Николая. С момента обращения в иноческий образ им приходится подчиняться вышестоящим церковным иерархам. Так, Евфросинии, для того чтобы сменить место своей деятельности, следовало получить разрешение полоцкого епископа Ильи, без благословения которого она не смогла бы

этого совершить [ПСРЛ 21, с. 209]. Соответственно все указания того же епископа ей приходилось выполнять независимо от своего желания и интереса. Напротив, будучи княжной, она сама руководила своими действиями и давала распоряжения слугам. К тому же, поскольку Илья был епископом, а, следовательно, имел церковный чин выше, чем у новоиспеченной черницы, Евфросинии следовало обращаться к нему «Отче господине» [ПСРЛ 21, с. 210], тогда как раньше подобным образом она обращалась лишь к своему родителю.

Впрочем, не стоит говорить о полной утрате достоинств, присущих княжеским наследникам. Так, на примере Святоши мы видим, что, будучи в обители Киево-Печерского монастыря, монах не был лишен своего княжеского авторитета. В тексте Ипатьевской летописи содержится информация о его посреднической деятельности. В 1142–1143 гг. между черниговскими князьями и потомками Владимира Мономаха, а именно переяславским князем Вячеславом Владимировичем, владимирским князем Изяславом Мстиславичем и смоленским князем Ростиславом Мстиславичем, разгорелся конфликт, причиной которого послужил невыгодный раздел земель. «И посла по нихъ Всеволодъ брата своего Святошу», – повествуется в летописи [ПСРЛ 2, с. 312]. Безусловно, подобная практика вовлечения церковных иерархов в разрешение междоусобных конфликтов нередко применялась в средневековой Руси. Однако успешный результат этого посредничества во многом определяется именно княжеским происхождением Николая Святоши². Конфликтующие стороны примирились, следуя совету и монаха авторитетного монастыря, и представителя черниговской династии. Еще одним показателем сохранения княжеского авторитета является обращение Петра к Николаю как князю: «О, княже!», – говорил лекарь [Абрамович 1930, с. 114]. Таким образом, принявшие монашеский постриг Евфросиния и Николай лишались практически всех княжеских привилегий, но сохраняли свой авторитет. При этом они были вынуждены выполнять обязанности монашествующего, суть которых была полностью противоположна тому, что было предписано им по праву рождения в княжеской семье.

Говоря о монашеском постриге в семье Рюриковичей, нужно отметить, что он практиковался в связи с желанием отдельных ее членов посвятить жизнь служению Богу. При этом подобные решения встречали сопротивление и негативную оценку среди близких и родственников, так как предполагали уход от княжеских обязанностей, присущих им по праву рождения. Будучи постриженными, представители рода Рюриковичей вели активную деятельность, в том числе участвовали в разрешении политических конфликтов, поскольку сохраняли за собой некоторые княжеские привилегии и авторитет представителя династии.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Абрамович 1930 — Абрамович Д. И. Киево-Печерский патерик. Киев: Типография Всеукраинской Академии наук, 1930. 234 с.

БЛДР 1 — Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997. Т. 1: XI–XII века. 543 с.

Книга жыцій і хаджэнняў — Книга жыцій і хаджэнняў. Уклад. Мельнікаў А. А. Мн.: Маст. літ., 1994. 504 с.

ПСРЛ 21 — Полное собрание русских летописей. Т. 21. Книга Степенная царского родословия. Ч. 1. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1908. 350 с.

ПСРЛ 2 — Полное собрание русских летописей. Т. 2.: Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1908. 638 с.

² Примером неудачной посреднической практики являются малоуспешные переговоры Нифонта с суздальцами, в результате которых жителей Новгорода и Суздаля не удалось примирить [ПСРЛ, т. 4, ч. 1, с. 152].

ПСРЛ 4 — Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1.: Новгородская четвертая летопись. Т. 4. Ч. 1. Пг.: Типография Я. Башмаков и Ко, 1915. 320 с.

Литература

Вигарелло 2012 — Вигарелло Ж. Тело короля // История тела: Соч. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 1: От Ренессанса до эпохи Просвещения. С. 297–310.

Воронова 1987 – Воронова Е. М. Житие Евфросинии Полоцкой // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. XI – первая половина XIV в. Л.: Наука, 1987. С. 147–148.

Коваленко 2011 — Коваленко В. П. Жизнь и житие св. прп. князя Николы Святоши: возможности реконструкции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 3(45). С. 56–57.

Лавренченко 2021 — Лавренченко М. Л. «Старшинство» русских князей – вопрос политики или устройства семьи? // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского 2021. № 4. С. 43–52.

Литвина, Успенский 2006 — Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: династическая история сквозь призму антропониимики. М.: Идрик, 2006. 908 с.

Назаренко 2001 — Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых и политических связей IX–XII веков. М.: Изд-во «Языки русской культуры», 2001. 780 с.

Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. 2017 — Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. Иноческие имена на Руси. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. 342 с.

Шалина 1996 — Шалина И. А. Богоматерь Эфесская – Полоцкая – Корсунская – Торопецкая: Ист. имена и архетип чудотворной иконы // Чудотворная икона в Византии и Др. Руси. М.: Мартис, 1996. С. 200–236.

Pratsch 2005 — Pratsch T. Hagiographische Topos Griechische Heiligenviten in Mittelbyzantinischer Zeit. Berlin. New York: Walter de Gruyter, 2005. 475 p.

Сведения об авторе

Яна Александровна Спасская, студентка 3-го курса
Ярославского Государственного университета им. П. Г. Демидова
150003, Ярославль, ул. Советская, д. 14
ja.spasskaya@yandex.ru

Ya. A. Spasskaya

MONASTIC TONSURE IN THE RURIKID: TRANSFORMATION OF PRINCELY STATUS

Abstract

The paper is devoted to the current study of the issue of taking monastic vows by representatives of the Rurikovich family. The work examines the attitude of the relatives and the loved ones to tonsure, the monastic activity of Rurik's descendants, as well as the transformation of the princely status after leaving the monastery.

Keywords

monastic tonsure, Rurik dynasty, princely status

М. О. Стражников

ПЕРЕВОД СКАЛЬДИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ: ТРУДНОСТИ ПЕРЕДАЧИ ФОРМЫ

Аннотация

Статья посвящена поэтическому переводу скальдической поэзии на русский язык. В ней кратко описываются существующие переводческие стратегии, предлагается новая стратегия перевода скальдики. Излагаются ее отличия от других стратегий перевода, приводятся аргументы в пользу ее применения, предлагаются конкретные переводческие приемы, сопровождающиеся примерами из практики переводчика. Обсуждаются некоторые проблемы и трудности, возникающие при следовании данной стратегии перевода.

Ключевые слова

перевод, скальдика, виса, дротткветт, скальд, поэзия, Эдда

Скальдическая поэзия известна сложностью формы – часто при переводе ее вовсе не считают нужным передавать, отчего на русском языке скальдическая виса превращается в несколько ритмизованную прозу. Тем не менее, существует и поэтическая традиция перевода скальдической поэзии на русский язык.

Первым опытом такого рода явился сборник «Поэзия скальдов» 1979 г., где перевод избранных произведений известных скальдов был выполнен С. В. Петровым. Основным переводческим принципом была передача ключевых формальных особенностей скальдики, аллитерации и хендингов [Стеблин-Каменский 1979, с. 5], без, однако, претензии на буквальное их воспроизведение – так, в одной из «Вис радости» Харальда Сурового [SkP 2, р. 36] переводчик находит возможным передавать адальхендинги в четных строках (в соответствии с текстом оригинала), но отказаться от передачи скотхендингов [Поэзия скальдов, с. 66]:

Цитирование: Стражников М. О. Перевод скальдической поэзии: трудности передачи формы // Человек и власть в эпоху русского Средневековья. М.: ИРЯ РАН, 2024. С. 63–68.

Fundr vas þess, at Þrændir
þeir höfðu lið meira;
varð, sús vér of gerðum,
víst errilig snerra.
Skilðumk ungr við ungan
allvald í styr fallinn;
þó lætr Gerðr í Gørðum
gollhrings við mér skolla.

Трѐндов было втрое
В бранном поле боле,
Но мы в буре битвы
Били их, рубили.
Смерть владыка смелый,
Молод принял Олав.
Мне от Нанны ниток
Несть из Руси вести.

Сохраняются в переводе и дротткветный тмесис (переплетение предложений), и кеннинги.

Впрочем, более влиятельным и фундаментальным стал подход О. А. Смирницкой, переведшей висы к «Кругу Земному» Снорри Стурлусона и сопроводившей перевод специальной статьей [Смирницкая 1980]. Переводческая стратегия Смирницкой заключается не в буквальном воспроизведении приемов скальдической поэзии, а передаче ее основных принципов иными средствами, которые призваны создать у читателя *аналогичное* впечатление. Так, Смирницкая отмечает, что систематическое воспроизведение начально-корневой аллитерации в русском переводе невозможно, а хендинги не могут диктовать передвижение ударения; вместо регулярных, регламентированных созвучий в переводе создается «индивидуальный рисунок» для каждой строки, включающий в себя труднопроизносимые группы согласных, созвучия на словоразделах и пр. [Смирницкая 1980, с. 716–718]. Кеннинги и переплетение предложений в переводе сохраняется, однако не делается попытки сохранить последнее во всех случаях или во всей полноте.

Предложенный Смирницкой метод показал свою адекватность и эффективность. Такой перевод скальдической поэзии создает текст, передающий не только содержание, но и ощущение «сопротивления языка», а также является интуитивно понятным читателю в т. ч. с формальной стороны. Однако у него есть и ограничение – это отход от той принципиальной регламентированности, которой отличается скальдическая поэзия. При том, что абсолютно точное и полное воспроизведение скальдической формы принципиально невозможно, нам кажется продуктивным предложить переводческую стратегию, предполагающую систематическое использование аллитерации и хендингов.

Как показывает долгая традиция перевода древнегерманской поэзии, эффективным средством для передачи германской аллитерации является корневая аллитерация или аллитерация ударного слога в русском языке¹. Как показывают переводы С. В. Петрова и О. А. Смирницкой, хендинг – в первую очередь, адальхендинг – является эффективным приемом, прекрасно считываемым носителем русского языка. Смирницкая отказывается от его *регулярного* использования, однако такое технически возможно, и, при определенной переводческой стратегии, может быть необходимым.

Попытка передавать и размер подлинника, и основные его организующие приемы наталкивается на ограниченность словаря русского литературного языка: помимо некоторой бедности русской синонимии для ряда ключевых понятий германской поэзии, для русского языка более характерны трех- и четырехсложные словоформы, занимающие слишком много места в строке, в отличие от преимущественно одно- и двухсложных исландских словоформ. Это препятствие может быть преодолено привлечением архаизмов (что также было испытано и в упомянутых переводах скальдики, и в переводах другой германской поэзии) и диалектных слов, а также неологизмов, создаваемых *ad hoc* (так, в одном переводе нами создается слово «шипья», не обнаруживающееся в Корпусе русского языка). Привлечение этого чуждого литературному

¹ См., например, [Древнеанглийская поэзия].

и повседневному языку материала призвано создать своеобразный аналог богатого поэтического лексикона скальдики. Это также отчасти воспроизводит своеобразную отчужденность поэтических синонимов от своего обычного употребления – и сугубо поэтическое слово, давно исчезнувшее из языка, и самое обыкновенное разговорное слово употребляются на равных для передачи одного и того же понятия, лишённые часто всех «лишних» сем. Обилие необычных слов, в т. ч. с неясным без комментария значением, затемняет смысл висы и может делать перевод вовсе непонятным. Это не является желаемым результатом – виса все же не должна представлять невнятное нагромождение слов.

Принципиальная возможность воспроизвести (в относительном приближении) скальдическую форму не является обоснованием необходимости это делать, тем более что даже при всех ухищрениях будут возникать ситуации, когда найденный вариант перевода приемлем, но не вполне точен, а неизбежное давление времени заставляет переводчика двигаться дальше. Одним обоснованием нашей переводческой стратегии можно считать самый вызов для переводчика – хотя наш перевод может невольно погрешить против стиля оригинала, однако нами достигается большое сходство формы (без утрат в содержании). Учитывая, что сами скальды и их слушатели уделяли огромное внимание точности формы (см., например, разбор случая с Харальдом Суровым в [Гуревич, Матюшина 1999, с. 115]), подход, ставящий во главу угла по возможности полное воспроизведение формы, мы находим небесспорным. Однако, помимо этого, наша переводческая стратегия позволяет подступиться к таким важным памятникам скальдического искусства, как *claves metricae* – «Ключу размеров» Рёгнвальда Кали и Халля Тораринссона и «Перечню размеров» Снорри (и в целом к его Эдде). Эти памятники посвящены в первую очередь разновидностям скальдической формы, и перевод, отказывающийся от соблюдения регламентированных созвучий, не способен адекватно их представить русскому читателю. В качестве примера мы приведем одну из вис «Ключа размеров», написанную «драгоценным размером» [SkP 3, p. 1024]:

*Björn orn bræddi, fjornis
beit reit firum hneitir
brátt, þrátt, brynju neytir
barg margfrekum vargi;
ypt lypt átti at skipta
egg legg í tvau seggja,
hrátt, brátt, hafði at slíta
hrafn tafn af því jafnan.*

*Бьорн кормит птиц, в барме
Брешь меж плеч нож тешет,
В пасть — óстра напасть лат —
Пал алчну кус волку.
Рать рад сам несыйтый
Сечь меч и калечить,
Ран врану достанет
Рот с глоткой забить плотью.*

Как мы видим, хотя перевод этот далеко не идеален, однако относительно точно передает форму и содержание оригинала.

Обратим внимание на ряд трудностей и проблем, встающих перед переводчиком при выборе этой переводческой стратегии. Это, с одной стороны, выбор лексики. Если мы используем архаизмы и диалектизмы, то можем ли мы также, допустим, использовать как поэтические синонимы для «правителя» слова «шах» и «хан»? Для «жилища» – слово «юрта»? В конце концов, слово «тарч» стало обычным для переводов германской поэзии, хотя принадлежит к полонизмам [Фасмер 1973, с. 25] и означает, видимо, особый тип щита, бывший в употреблении в XVI–XVII вв. [ЭсБЕ 1901, т. XXXIIa, с. 660].

С лексикой связана и еще одна трудность: пока мы переводим конкретную вису, нас беспокоит то, чтобы найти слова, которые бы составили созвучия, удовлетворяющие формальным требованиям, и ничего более. Однако когда мы смотрим на большой объем поэтического текста, например, на все висы одной саги или, что хуже, драпу (которая может содержать и несколько десятков вис), нам приходится

следить за тем, чтобы выбор лексики был достаточно разнообразным – так, сочетание «кровь – багровая», при всех своих достоинствах, легко может превратиться в клише (и необходимо следить за употребимостью соответствующих выражений и конкретных рифм в корпусе скальдической поэзии).

Известная «теснота» скальдического стиха вынуждает не только искать отдельные короткие словоформы, но и опираться на употребление кратких прилагательных, что может вызывать дополнительные сложности у читателя. Так, следующий вариант перевода уже приводившейся висы вызвал непонимание у слушателей доклада: «Ясть в пасть – яра напасть лат – / Ял алу волк алчно». Схожие проблемы может вызвать засилье форм родительного падежа, относящихся к разным синтаксическим единицам. Это отлично иллюстрирует наш перевод одной из вис «Драпы о Рагнаре» Арнора Ярлова скальда [SkP 2, p. 178]:

Deildisk af, svát <i>aldin</i>	Сталось, что метелей
<i>él</i> grafninga þélar	Щитов дал брусочки
göndlar Njörðr í Gørðum	Голков Ньорд во Гардах,
gunnbráðr tíu háði.	Гож к схватке, десяток.

Помимо обилия форм родительного падежа, неуклюжесть и трудность перевода висы усугубляются неестественным порядком слов, обусловленным как оригиналом, так и необходимостью соблюсти длину стиха и расположение ударных слогов.

Иногда законы скальдического стиха приходят, казалось бы, в непреодолимое противоречие с законами русского языка. Так, при попытке перевода «Мечевой висы» Халльфреда Трудного скальда переводчик сталкивается с неумолимой акцентной парадигмой слова «меч», не позволяющей иметь ударение на корне во всех формах, кроме им. ед. [Зализняк 2011, с. 278]. Мы приводим здесь два варианта перевода – каждый сохраняет созвучие на [ч] во всех строках, но только во втором случае оно во всех случаях технически является хендингом:

Я мечом отмечен –	Меч дан – я отмечен,
Мечеобеспечен,	Мечеобеспечен.
Мечей Ньордам мочным	Мечным Ньордам мочным
Мечно станет очень.	Смечнется нын очень.
По чину гривна почвы	По чину мост почвы
– Печья ль о мечах тут? –	– Печья ль полномечьем –
Трех мечей мне; чаю	Мне тримечный – аче
Колчан для меча я!	Меч в ножны привечу!

Отчасти мы можем решить проблему ударения простой языковой игрой (случай типа звонит – звонит), отчасти – намеренным сдвигом ударения; в этом последнем случае можно либо оставлять его выявление на откуп читателя, либо отмечать знаком ударения. Однако, кажется, злоупотреблять этим нельзя – иначе виса становится слишком зависимой от «нотации» (впрочем, перевод висы в любом случае должен сопровождаться комментарием).

Наконец, стоит сказать о проблеме с основными созвучиями. Как можно видеть, аллитерация в русском переводе чаще, чем в оригинале, охватывает один согласный из группы, что делает ее менее заметной. Это проблема, для которой мы пока не нашли решения. Хендинги тоже грешат меньшим совершенством, чем их древнесеверные оригиналы. Тем не менее, по большей части они работают и считаются, что можно уже считать успехом. Проблемной также является ситуация «засорения» строки созвучиями, отвлекающими от основной аллитерации и хендингов. Отдельного размышления заслуживает возможность рифм типа «пал – лап», которые формально не отвечают требованиям скальдики, но в то же время могут быть «формализованы» и хорошо считаются.

На наш взгляд, хендинги должны ставиться во главу угла при предложенной нами стратегии перевода. То есть перевод поэтический (уже после составления подстрочника) должен начинаться с поиска нужных рифм – они будут отчасти определять и расстановку слов, и переплетение предложений. В качестве иллюстрации этого процесса приведем еще одну вису Арнора, из «Драпы о Торфинне» [SkP 2, p. 232]:

Orms fellí drakk <i>allan</i>	Кончины в теченье
alkostigr fen hrosta	червиной пил винну
— rausn drýgði þá ræsir —	— не прятал щедрот князь —
Rognvalds niðr í gognum.	Рагнвальда внук влагу.

В черновиках у нас были такие варианты второй строки: «жмыха пил всю милый», «гордый пил затора», «гадюки всю клюкал»; однако ни для одного из них не удавалось соблюсти аллитерацию с достаточной «прозрачностью» синтаксиса. Наконец, приведем пример перевода висы из «Драпы о Торфинне», который нам кажется удачным во всех отношениях [SkP 2, p. 237]:

At loððu skip <i>skatnar</i>	Споро гребли парни,
skilit; fell herr á þiljur;	Палубу гридь стлала,
svômu jôrn í ômu	Булат нырля ратный
óðhqrð Skota blóði.	В кровь скотску багрову.
Stall drapa — strengir <i>gullu</i> ;	Не стало – струны пели,
stál beit, en rann sveiti;	Сталь жгла, и бежал пот,
broddr fló; bifðusk <i>oddar</i>	Летел дрот, да стрел шёл
bjartir — þengils <i>hjarta</i> .	Крут дождь – в сердце дрожил.

Вариант, который не удалось включить в перевод, относится к второму фьордунгу первого хельминга: «в скотов алом поте». Мы могли бы заменить шестую строку на «сталь жгла, кровь бежала», а указанный фьордунг на «сталь пьяна купалась / в поте алом скотов». В любом случае, это детали, виса же, как нам кажется, доказывает потенциал предлагаемой стратегии перевода.

Предлагаемая нами стратегия перевода может давать хорошие результаты, хотя ее применение и связано с определенными трудностями. Нельзя сказать, что она лучше других переводческих стратегий, обсуждаемых в статье, однако, как нам кажется, она может занять свое место среди них, «охватывая» те особенности скальдической поэзии, которые не могут быть переданы в других переводах.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Поэзия скальдов 2016 — Поэзия скальдов. СПб.: Наука, 2016. 182, [1] с.
 Древнеанглийская поэзия 1982 — Древнеанглийская поэзия. М.: Наука, 1982. 320 с.
 SkP 2 — Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages. Poetry from the Kings' Sagas 2 / Ed. by K.E. Gade. Vol. 2. Turnhout: Brepols, 2009. 916 p.
 SkP 3 — Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages. Poetry from Treatises on Poetics / Ed. by K. E. Gade and E. Marold. Vol. 3. Turnhout: Brepols, 2017. 1359 p.

Словари

- ЭСБЕ 1901 — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXIIIa. СПб.: Ф. А. Брокгауз — И. А. Ефрон, 1901. 503 с.
 Зализняк 2011 — Зализняк А. А. Труды по акцентологии. Т. 2: Древнерусский и старовеликорусский акцентологический словарь-указатель (XIV–XVII вв.) М.: Языки славянских культур, 2011. 352 с. (Studia philologica)
 Фасмер 1973 — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: Пер. с нем. (с доп.). М.: Прогресс, 1973. Т. 4. 855 с.

Литература

- Гуревич, Матюшина 1999 — Гуревич Е. А., Матюшина И. Г. Поэзия скальдов. М.: РГГУ, 1999. 752 с.
Смирницкая 1980 — Смирницкая О. А. О поэзии скальдов в «Круге Земном» и её переводе на русский язык // Снорри Стурлусон. Круг Земной. М.: Наука, 1980. С. 597–611.
Стеблин-Каменский 1979 — Стеблин-Каменский М. И. Предисловие // Поэзия скальдов. СПб.: Наука, 2016. С. 5–6.

Сведения об авторе

Максим Олегович Стражников, аспирант
Школы филологических наук НИУ ВШЭ
105066, Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4с1
bairhtwalds@yandex.ru

М. О. Strazhnikov

TRANSLATING SKALDIC POETRY: PROBLEMS WITH RENDERING THE FORM

Abstract

The article is devoted to poetic translation of Skaldic poetry into the Russian language. It goes over the existing strategies of translation and offers a new one. The differences between it and the other strategies are described, the advantages of it are brought up, the main translation techniques are explained, illustrated by specific examples from the author's translations. Some problems and difficulties associated with the translation strategy in question are discussed.

Keywords

translation, skaldic poetry, *vísa*, *dróttkvætt*, skald, poetry, Edda

государственной власти» на определенном этапе времени и о траектории дальнейшего развития этого понятия. Изучение шерти калмыцкого Аюки-тайши, как подданного русского царя, позволило сделать важный вывод: власть сильна, когда она опирается на традиции предков и отвечает адекватно на актуальные запросы времени. Лингвистическое изучение документов, подобных шерти (и шире – клятв, совместных договоренностей), важно еще и потому, что на их основе с момента вхождения калмыков в состав России (в 1709 г.) осуществлялись реальные дела, происходило взаимодействие русского и калмыцкого народов в разных сферах (военной, политической, культурной, экономической, правовой и т. д.) деятельности, росла и укреплялась дружба двух народов, что находило прямое отражение в языках обоих народов – русском и калмыцком.

Ключевые слова

Царская Россия, XVII век, калмыцкий народ, шерть Аюки-тайши, определение обладателей власти

В архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Астрахани, Элисты и некоторых других городов хранятся документы XVII–XVIII вв., содержащие важную информацию о формировании и становлении Калмыцкого ханства и образовании калмыцкой народности – новой народности – только в составе Российского государства. Эти документы разных жанров и тематической направленности, как показывает практика, больше всего привлекают пока внимание историков [Авляев 1994, Батмаев 2002, Колесник 2003, Митиров 1998, Пальмов 1993, Посольские книги 2003, Тепкеев 2012].

Появились, однако, и первые работы, посвященные анализу языка русских переводов XVIII в. деловых писем калмыцких ханов и владельцев, а также некоторых документов за подписью В. Н. Татищева (в бытность его главой Калмыцкой комиссии при Коллегии иностранных дел и астраханским губернатором в 1741–1745 гг.) и т. д. Эти работы выполнены на основе документов из фонда Национального архива Республики Калмыкия (далее НАРК. – Д. С.) [Русские переводы 2013, Сусеева и Хараева 2012, Сусеева 2016, Хараева 2014].

Цель настоящей работы – показать архивные материалы XVII–XVIII вв. как документную основу для решения некоторых лингвистических вопросов, имеющих отношение к проблеме «Человек и власть». Объектом исследования является один из документов 70-х годов XVII в., а именно – шерть (от арабского слова ‘šart’ – ‘соглашение, условие’, применялось для процедуры заключения договора международного характера) калмыцкого тайши Аюки. Предмет исследования – язык этого документа. Задачи исследования – выделить, проанализировать и прокомментировать лексические средства, раскрывающие реальные отношения властных структур Российского государства с руководством калмыцкого народа на момент подписания шерти Аюкой-тайшой. В работе был использован системный метод для раскрытия отношений лексических единиц. Кроме того, привлекались методы, учитывающие жанр и содержание текста документа, время и место его написания, статус лиц, имевших отношение к этому документу.

Материалом для исследования послужил текст шерти Аюки-тайши, который содержится в статейном списке астраханского воеводы Я. Н. Одоевского от 27 февраля 1673 г., хранящийся в РГАДА и впервые опубликованный в книге «Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством 1672–1675 гг. Научное издание» [Посольские книги 2003, с. 11]. Статейный список как один из жанров деловых документов XVII в. представляет собой подробный отчет Я. Н. Одоевского о проделанной им работе в качестве представителя царской власти

по подготовке, организации и приведению к присяге на верность русскому царю Алексею Михайловичу калмыцкого тайши Аюки [Посольские книги 2003, с. 11].

Об истории возникновения статейного списка Я. Н. Одоевского в своем предисловии к сборнику «Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством. 1672–1675 гг.» Н. Рогожин и М. Батмаев, составители этого сборника, пишут следующее:

...в 1669 г. умер тайша Мончак и в управление калмыцкими улусами вступил его сын – тайша Аюка. Смена правителей вызвала ожесточенное столкновение среди нескольких групп калмыцкой знати. Аюка, обладая способностями военачальника и политика, в кратчайший срок расправился со своими противниками, укрепил свою власть и продолжил жестокую и довольно успешную централизаторскую политику, начатую его предшественниками – дедом Дайчином и отцом Мончаком. Возвышение Аюки не осталось незамеченным царским правительством. Появилась срочная необходимость обговорить и соответствующим образом оформить основные принципы взаимоотношений с новым правителем калмыцких улусов. После довольно длительных переговоров, 27 февраля 1673 г. на р. Соляной близ Астрахани в присутствии воеводы Я. Н. Одоевского Аюка подкрепил шерть отца за себя и за своих подвластных. В «Статейном списке» Я. Н. Одоевского подробно освещены не только все эти события, но и представлен текст шерти Аюки-тайши [Посольские книги 2003, с. 8].

Шерть – это «присяга у мусульман на подданство» [Даль 1980, т. 4, с. 450]. У калмыков есть свой термин для обозначения клятвы – *андһар* [КРС 1977, с. 43]. Причина того, почему вместо калмыцкого термина *андһар* использовался термин *шерть*, в калмыковедении до настоящего времени пока не выяснена.

Шерть, данная Аюкой-тайшой, по содержанию и форме соответствует больше русскому слову *присяга*. Присяга – это действие по глаголу *присягать*. «*Присягать* – клясться, дать присягу, клятву, клятвенное обещание или уверение в чем; призывать гласно и торжественно Бога во свидетельство, с установленными церковью обрядами» [Даль 1980, т. 3, с. 450].

По содержанию шерть Аюки-тайши можно разделить на 11 смысловых частей следующего содержания: 1) кто – кому – в силу каких традиций дается присяга; 2) место – время – от имени кого и кому – по каким законам – при каких свидетелях дается присяга; 3) основное клятвенное обещание – быть в «вечном подданстве»; 4) соблюдать внутренние законы страны, 5) быть на службе вместе с «ратными людьми» великого государя в борьбе с внешними врагами; 6) клятвенное обещание не вступать в связь с внешними противниками русского государя, с ними «в миру не быть и ружьем и лошадьми их не ссужать, и людей в помочь не давать»; 7) кочующих с ним людей, если будут участвовать в воровстве и грабеже государевых людей, Аюка-тайша обещал «унимать и розорять их безо всякого отговору»; 8) русских полонников, бегущих из плена из Бухары, Юргенича, Хивы и других мест, «мне, Аюкаю, и братье моей, и племянником, и улусным людям не задерживать и отпускать в города царского величества, и в улусех о том заказ учинить, и которые полонники великого государя его царского величества городов, и ныне сыщутца в калмыцких улусех, и тех отослать в города царского величества»; 9) посольщиков (посланников) великого государя «мне, Аюкаю, и иным тайшам, и улусным людям, которые с нами кочуют, тем присыльщикам безчестья никакова не делать и не бить их, и не грабить, и тесноты им у себя не чинить, и отпускать их безо всякого задержанья»; 10) по первому зову великого государя «нам всем, тайшам и улусным нашим калмыком, и мурзам, и улусным их людям на Крым и на крымские улусы, и на иных ево государских непослушников ходить безо всякого мотчанья»; 11) повтор всего выше сказанного в краткой форме.

В первой части шерти дается четкое представление о том, кто является для калмыцкого народа носителем государственной власти в России на момент принятия присяги, так как Аюка-тайша прямо называет тех, кому он присягает.

Носителем государственной власти являлся царь Алексей Михайлович, а прямыми наследниками были его «чада», то есть сыновья (дочери не включены в понятие «чадо»). Вот как в шерти звучат слова, называющие обладателя государственной власти в России и его наследников:

Яз, Аюкай тайша Мончаков, даю шерть великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержицу и многих государств и земель восточных и западных, и северных отчичю и дедичю, и наследнику и государю, и обладателю и его государским благородным чадом, благоверному государю царевичю и великому князю Феодору Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии, и благоверному государю царевичю и великому князю Иоанну Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии, и благоверному государю царевичю и великому князю Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии и иным его государским детем, которыхъ впредь ему, великому государю бог даст... [Посольские книги 2003, с. 57].

В этом фрагменте шерти названо собственное имя того, кому дается клятва, – имя царя Алексея Михайловича. Названы также все его регалии того времени: «великий государь царь и великий князь», «самодержец всеа Великая и Малыя и Белья Росии и многих государств и земель восточных и западных и северных», «наследник и государь», «обладатель» земель, принадлежавших его «отчичю и дедичю».

Аюка-тайша одновременно дает клятву и «его государским и благородным чадом» (сыновьям царя Алексея Михайловича) как прямым наследникам царского престола, даже еще не рожденным, в следующем порядке:

благоверному государю царевичю и великому князю Феодору Алексеевичю, всеа Великия/и Малыя и Белья Росии, и благоверному государю/ царевичю и великому князю Иоанну Алексеевичю, всеа/ Великия и Малыя и Белья Росии, и благоверному/ государю царевичю и великому князю Петру/Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии/ и иным его государским детем, которыхъ впредь ему,/ великому государю бог даст... [Посольские книги 2003, с.62]

Первая часть шерти Аюки-тайши представляет собой своеобразную полную словесную формулу определения носителя государственной власти в России на момент принятия клятвы. То, что мы имеем полную формулу определения носителя власти, подтверждается тем, что она в тексте шерти повторяется три раза [Посольские книги 2003, с. 7, с. 62–63]. Определение носителя государственной власти в России имеет и неполную форму: «великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержиц...», которая повторяется четыре раза [Посольские книги 2003, с. 58 (два раза), 59, 61].

В этой же первой части документа мы находим объяснение тому, почему дается шерть. Аюка-тайша дает клятвенное обещание служить царю, чтобы сохранить традиции, заложенные службой русскому царю его родным дедом Дайчином и отцом Мончаком:

...для того: в прошлых годех служили ему, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержицу, и во всем ево, государское, повеленье исполняли мой, Аюкаев, дед Дайчин и отец мой Мончак тайши, и где ево, государское, повеленье было на ево, государских, неприятелей, ходили по своей шерти и договорам» [Посольские книги 2003, с. 57–58].

Во второй части шерти говорится о том, от имени кого и по каким законам дается эта клятва русскому царю Алексею Михайловичу, где и в присутствии кого.

Клятву русскому царю Аюка-тайша дает от имени своих родственников и своих улусных людей, а также от имени кочующих с ним племен тюркского происхождения и их мурз, их родственников и улусных людей:

Яз, Аюкай тайша, за себя и за братью свою, и за племянников, и за всех // улусных своих калмыцких одственных и улусных людей, которые с нами вместе кочуют, и за нагайских, и за едисанских, и за енбулцких, и за майлибашских, и за келечинских мурз и за детей и братью, и за племянников, и за внучат, и за улусных их людей шерть своего отца подкрепляю...» [Посольские книги 2003, с. 58].

Интерес вызывает то, что Аюка-тайша дает клятву на верность русскому царю по законам и обрядам, установленным буддийской церковью:

Яз, Аюкай тайша, за себя и за братью свою, и за племянников, и за всех // улусных своих калмыцких родственных и улусных людей, которые с нами вместе кочуют, и за нагайских, и за едисанских, и за енбулцких, и за майлибашских, и за келечинских мурз и за детей и братью, и за племянников, и за внучат, и за улусных их людей шерть своего отца подкрепляю, шертью по своей калмыцкой вере и покланяюсь, и целую бога своего Бурхана и молитвенную книгу Бичик, и чотки, и саблю на свою голову и к горлу прикладываю... [Посольские книги 2003, с. 58].

Клятву Аюка-тайша дает в присутствии государевых официальных лиц, прибывших из Астрахани:

...на съезде на урочище за Волгою на речке Соляной от города в версте при боярине и воеводах, при князе Якове Никитиче Одоевском да при стольнике князе Иване Михайловиче Каркадинове, да при Василье // Лаврентьевиче Пушечникове, да при дьяке Петре Самойлове... [Посольские книги 2003, с. 58].

Во второй же части шерти указаны основные пункты договора, которые согласованы с государевыми посланниками и которые раскрывают содержание службы русскому царю:

...договорясь с ними на том, что великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, его царскому величеству нам, тайшам, самим и братье, и племянником нашим и внучатам, и улусным нашим калмыцким людям, и мурзам, и их братье, и племянником, и улусным их людям служить и великого государя на недругов, где ево, великого государя, повеленье будет, войною ходить, а под его, великого государя, города войною ни под которые не приходить и дурна никакова и задоров не чинить, и жить з государскими людьми в миру и в совете... [Посольские книги 2003, с. 58].

В третьей части шерти раскрывается основной смысл клятвы Аюки-тайши – «быть у царского величества в вечном подданстве и в послушанье и добра к нему»:

И быть мне, Аюкаю-тайше, и братье, и племянником, и всем улусным нашим калмыцким людям, и мурзам, и их детям, и племянником, и внучатам, и улусным людям, которые с нами кочуют, у великого государя царя и великого князя Алексея // Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, у его царского величества в вечном подданстве и в послушанье и добра ему, великому государю, его царскому величеству и ево, великого государя, людям хотети во всем вправду, безо всякие шатости и хитрости, и с ево, великого государя, непослушники и с ызменники ни с кем ни о чем не ссылатися и за // них не стоять» [Посольские книги 2003, с. 58–59].

Шерти и клятвы, которые давали калмыцкие владельцы русским царям, дают представление не только о том, как менялся со временем образ первых лиц русского государства, но и первых лиц калмыцкого народа.

Если во времена царя Алексея Михайловича наследниками престола были названы лица только по мужской линии – его сыновья, то в XVIII в. первыми лицами государства оказались женщины: Екатерина I – жена Петра Великого; императрица Анна Иоанновна – внучка царя Алексея Михайловича, дочь среднего сына царя – Иоанна

Алексеевича, который в шерти предстает как «благочестивый государь царевич и великий князь Иоанн Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии»; императрица Елизавета Петровна – дочь Петра Великого; императрица Екатерина II – жена внука Петра Великого, сына дочери Петра Великого.

В это же время у калмыков первые лица из числа некоторых тайш превратились в ханов. Тайши – это владельцы родовых улусов, а ханы – это главы Калмыцкого ханства, сформировавшегося на территории России, которое включало в свой состав несколько десятков крупных родовых калмыцких улусов во главе с их владельцами – тайшами. Первым ханом Калмыцкого ханства стал Аюка-хан. Это звание Аюка-хан получил во времена правления Петра Первого. Во времена царя Алексея Михайловича Аюка был тайшой.

По результатам настоящего исследования сделаны выводы. Во-первых, сделан вывод о значимости лингвистического изучения жанров архивных документов, подобных шерти, которые дают представление о понятии «носитель государственной власти» на определенном этапе времени и о траектории дальнейшего развития этого понятия. Во-вторых, изучение шерти калмыцкого Аюки-тайши, как подданного русского царя, позволило сделать важный вывод: власть сильна, когда она опирается на традиции «отчичей и дедичей» (отцов и дедов) и отвечает адекватно на актуальные запросы времени. В-третьих, важен лингвистический анализ уникальных документов, подобных шерти (и шире – клятв), еще и потому, что на их основе осуществлялись конкретные дела, взаимодействовали русский и калмыцкий народы, закалялась и укреплялась их дружба в борьбе с общим противником в определенное время, на определенной территории, при участии определенных лиц на основе заключенных совместных договоренностей. И все это нашло прямое отражение в документах XVII–XVIII вв. на русском и калмыцком языках, хранящихся в фондах Национального Архива Республики Калмыкия.

Исследование жанров документов XVII–XVIII вв. из фондов РГАДА и НАРК позволяет высветить новый аспект в деле изучения функций русского делового языка. Русский деловой язык в XVII–XVIII вв. выполнял свою самую важную функцию – быть одним из главных средств объединения и укрепления сплоченности всех территорий и народов Российского государства. Доказательством этому служит региональная функция делового русского языка, выполнявшего в это время важную и главную связующую роль между центром и одним из регионов Российского государства – Калмыцким ханством, что находит отражение в языке документов того времени [Сусеева 2003]. Свидетельством тому служат тысячи официальных документов на русском и калмыцком языках XVIII в. из фондов Национального архива Республики Калмыкия.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Посольские книги 2003 — Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством 1672–1675 гг. Научное издание. Элиста, 2003. 315 с.

Русские переводы 2013 — Сусеева Д. А., Котяева Е. С., Олядыкова Л. Б., Ярмаркина Г. М. Русские переводы XVIII века деловых писем калмыцких ханов и их современников: тексты и исследования. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2013. 744 с.

Словари

Даль 1980 — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III. М.: «Русский язык», 1980.

КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь (Хальмг-орс толь). Под редакцией Б. Д. Муниева. М.: «Русский язык», 1977.

Литература

- Авлиев 1994 — Авлиев Г. О. Происхождение калмыцкого народа (Середина IX – I четверть XVIII вв.). М.: Элиста: Этнолог-Центр, 1994. 248 с.
- Батмаев 2002 — Батмаев М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста, 2002. 391 с.
- Колесник 2003 — Колесник В. И. Последнее великое кочевье. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2003. 285 с.
- Митиров 1998 — Митиров А. Г. Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1998. 383 с.
- Пальмов 1993 — Пальмов Н. Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. 2 издание. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1992. 159 с.
- Сусеева 2016 — Сусеева Д. А. «Для построения оной крепостцы загодные места усмотрены меж Астрахани и Черного Яра». В. Н. Татищев и Енотаевская крепость в русско-калмыцких отношениях. 1742–1745 гг. // Исторический архив. Научно-публикаторский журнал. 2016. № 4. С. 185–190.
- Сусеева 2003 — Сусеева Д. А. Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингво-социологического исследования. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 384 с.
- Сусеева и Хараева 2012 — Сусеева Д. А., Хараева А. Т. К вопросу о В. М. Бакуanine как переводчике писем калмыцких ханов XVIII века и их современников // European Social Science («Европейский журнал социальных наук»). 2012. № 7 (23). С. 122–128.
- Тепкеев 2012 — Тепкеев В. Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. Элиста, 2012. 375 с.
- Хараева 2014 — Хараева А. Т. Русские заимствованные слова в калмыцком языке XVIII века (на материале официально-деловых писем калмыцких ханов XVIII века и их современников из фонда НАРК). Элиста, 2014. 223 с.

Сведения об авторе

Данара Аксеновна Сусеева, доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и общего языкознания,
русской и зарубежной литературы
Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова
358000, Элиста, ул. Пушкина, д. 11
suseeva@gmail.com

D. A. Suseeva

THE 17th CENTURY SHERT' (OATH) OF KALMYK TAISHA (LEADER) AYUKA FOR LOYALTY TO RUSSIAN TSAR ALEXEI MIKHAILOVICH: THE STRUCTURE OF THE GENRE, LEXICAL FEATURES IN THE DESIGNATION OF IMPORTANT CONCEPTS AND COMMENTS

Abstract

The object of the analysis is the shert' of Kalmyk Ayuka-taisha, given by him to the Russian tsar Alexei Mikhailovich. The article examines the shert' from the fund 19 "Kalmyk affairs" of the Russian State Archive of Ancient Acts; identifies the constituent parts of the text of the shert', which contains words defining the bearer of state power in Russia and the bearer of power of the Kalmyk people; a typology of such definitions is proposed. It is shown that such definitions are tied to persons (who gives a shert' to whom), to the place, time and purpose of the swearing. Ayuka-taisha took the shert' of allegiance to the Russian tsar on February 27, 1673, when Alexei Mikhailovich, the great tsar and Grand Duke, was officially called the autocrat of "all Great and Small

and White Russia and many states and lands of the east and west and north”. Ayuka-taisha, as a subject who had confirmed his shert' of allegiance to the Russian tsar, was at the same time called the eldest among “his brothers and nephews”, among “his Kalmyk relatives”, among the murzas of “Nagai, Edisan, Enbulut, Mailibash and Kelechin” nomadic with the Kalmyk people, etc. The procedure for taking the shert' took place on the Solyanaya River, located near Astrakhan, in the presence of the Astrakhan governor Ya. N. Odоеvsky. Ayuka reinforced the shert' of his grandfather Daichin and his father Monchak for himself and for his subordinates. The conclusion is made about the importance of linguistic study of such genres of archival documents as shert', which give an idea of the concept of “bearer of state power” at a certain stage of time and about the trajectory of further development of this concept. The study of shert' of Kalmyk Ayuka-taisha, as a subject of the Russian tsar, allowed us to draw an important conclusion: power is strong when it relies on the traditions of its ancestors and responds adequately to the current demands of the time. The linguistic study of documents like shert' (and more broadly, oaths, joint agreements) is also important because real deeds have been carried out on their basis since the Kalmyks joined Russia (in 1709), and interaction between the Russian and Kalmyk peoples took place in various spheres (military, political, cultural, economic, legal and so on. The friendship of the two peoples grew and strengthened, which was directly reflected in the languages of both peoples – Russian and Kalmyk.

Keywords

Russia, 17th century, Kalmyk people, shert' (oath) of Ayuka-Taisha, the definition of the holders of power

С. Ю. Шокарев

НЕКРОПОЛЬ НАГИХ В ЦЕРКВИ БЛАГОВЕЩЕНСКОГО ПОГОСТА (XVI В.)*

Аннотация

Статья посвящена исследованию усыпальницы Нагих в Благовещенской церкви XVI в. (Кольчугинский район Владимирской области). Описаны три надгробия с эпитафиями, дана их атрибуция, рассмотрены обстоятельства формирования этой усыпальницы.

Ключевые слова

некрополь, коммеморация, погребальный обряд, Нагие

На поселении Благовещенский погост Кольчугинского района Владимирской области сохранилась кирпичная церковь Благовещения Пресвятой Богородицы, датируемая историками архитектуры второй четвертью XVI в. [Дзисько 2015, с. 401–403]. Летом 2021 г. в рамках работы Историко-археологической экспедиции Российского православного университета Иоанна Богослова под руководством кандидата биологических наук Д. В. Пежемского было проведено натурное обследование сохранившихся в церкви надгробий XVI в., отмечающих усыпальницу вотчинников из рода Нагих. Осмотр, обмеры и фотофиксация производились совместно Д. В. Пежемским и мной.

Три надгробия в виде традиционных белокаменных плит сохранились в интерьере храма. Плиты вмурованы в пол в северном приделе, слева от главного входа. Таким образом, усыпальница Нагих, очевидно, находится в этом же месте, под полом, в так называемой «палатке» (крипте). Два надгробия вместе с полом провалились и частично засыпаны землей. Третье разбито на две части. Плиты уложены головной частью

---

* Автор благодарит за помощь при создании этой статьи уважаемых коллег Дениса Валерьевича Пежемского и Кирилла Станиславовича Худина.

Цитирование: Шокарев С. Ю. Некрополь Нагих в церкви Благовещенского погоста (XVI в.) // Человек и власть в эпоху русского Средневековья. М.: ИРЯ РАН, 2024. С. 77–82.

к западу, изножием к востоку, в сторону алтаря. В неповрежденном виде они примыкали друг к другу. Все плиты выполнены из известняка. Нумерация плит дана нами по порядку с севера на юг, от стены к центральной части храма. Плита № 1 сохраняется *in situ*, примыкая головным торцом к кирпичной стене. Плита № 2 выворочена из пола, сдвинута и приподнята слева направо под углом 25°. Нижняя часть плиты отколота. К ней вплотную придвинута другая известняковая плита, судя по толщине, геометрически правильным линиям и технике обработки, более позднего происхождения (64 x 97–100 x 17–15). Плита № 3 фрагментирована. Ее середина и нижняя часть вмурованы в пол и были засыпаны землей. Верхняя часть расколота на два фрагмента и находится отдельно, рядом.

Размеры плиты № 1: 71 (в головном торце; 66 в середине) x 100 (правая сторона 115). Измерение длины и толщины ограничено земляной засыпью, занимающей около 1/3 общего объема. Верхний край и боковые края плиты украшены орнаментом из двух линий треугольников. Внешняя линия состоит из мелких противопоставленных треугольников («волчий зуб»), внутренняя из более крупных, глубоко врезанных прямоугольных треугольников. В центре полукруглое клеймо из двух линий треугольников. Линия из маленьких треугольников идет по краю, линия из длинных треугольников расположена в центре и создает подобие сияния (размеры клейма 20 x 11,5).

Сохранилась эпитафия из трех строк, высота первой и второй 8, третьей – 7. Межстрочные интервалы 4. Первые две строки читаются уверенно, буквы врезаны глубоко, почерк профессиональный. Третья строка не видна из-за черного налета, покрывающего плиту. Текст:

1. лѣтѣ *ЗМЗ мѣся апрѣля
2. прѣстѣвися Иван [..]ано
3. [...]

Буквы удлинённых пропорций, палеография соответствует дате 7047 (1539 г.).

Известны три публикации данной надписи, осуществленных в XIX в. и прорисовка, выполненная по результатам натурного обследования в 2005 г., в статье А. М. Дзисько [Беляев 1852, с. 47; Титов 1887, с. 7; Добронравов 1895, с. 331; Дзисько 2015, с. 402]. При помощи этих публикаций и прорисовки текст реконструируется следующим образом:

лѣтѣ *ЗМЗ мѣся апрѣля прѣстѣвися Иван Ивано / кич Наг[о]н.

Плита № 2 расположена рядом с плитой № 1, ближе к центральной части храма. Размеры: 79 x 100 (левый край 97, правый край 103) x 17. В верхней части орнамент из двух линий противопоставленных треугольников (9–8,5), по бокам орнамент из длинных треугольников. В центре полукруглое клеймо в виде двух линий треугольников, аналогичное клейму на плите № 1 (размеры клейма 19 x 10).

Просматривается эпитафия из трех строк, возможно, больше. Текст сильно стёрся, а начиная со второй строки покрыт черным налетом. В результате читаются только отдельные буквы. Высота первой и второй строк 9, третьей – 9. Межстрочные интервалы 4. Текст:

1. [...]З [..]ц[...]. тѣрѣ в I дѣтѣ прѣ
2. [...] пи [...] Ивано
3. [...]

Буквы удлинённых пропорций, палеография соответствует орнаментальному оформлению плиты (первая половина – середина XVI в.). Перед З просматривается прямая мачта с наклонной. Возможно, что это буквы Л или М. Следовательно, дата может быть реконструирована как 7036 (1527 г.) или 7046 (1537 г.). А. М. Дзисько указывает, что рядом с надгробием И. И. Нагого расположена плита, датированная

1538 г. По-видимому, указание на октябрь, как дату смерти не было принято во внимание и произведено вычитание 5508 из 7046 [Дзисько 2015, с. 413]. Таким образом, дата, скорее всего, 10 октября 1537 г. Скорее всего, под этой плитой похоронен кто-то из родственников Ивана Ивановича Нагого, однако, кто точно установить невозможно.

Плита № 3 состоит из шести фрагментов. В сборе она имеет размеры 64 x 78 x 10. Нижняя часть вмурована и в изломе расколота на три фрагмента. Размеры нижней части 43 x 124 x 9. Общая реконструированная длина плиты 172–173. В верхней части плиты по краю проходит жгутовой орнамент, характерный для последней трети XVI–XVII вв. (ширина 9–9,5), в центре – т. н. сегнерово колесо (20 x 14). Правый верхний угол разрушен, между второй и третьей строками каверна.

Сохранилась эпитафия из шести строк:

1. *ЗР (клеймо) Ѡ д[...]
2. в в[...] преставиѣ в виври
3. [...] ИВАНОВА [...]о
4. [...] НАГОВА [...]о
5. снѣм д[...]ви[...]
6. [...]вак[...]

Палеография надписи соответствует дате (7105 = 1596); буквы удлинённых пропорций, надпись выполнена профессионально.

Привлечение вышеуказанных публикаций этой эпитафии позволяет реконструировать текст следующим образом:

«Дѣт *ЗРѣ декабря / в в дн преставиѣ в виври / [...] ИВАНОВА Григо / ревича
Нагова дочь Ѡфро / снѣм дѣвица на память про / рока Явакума».

Благовещенский погост впервые упоминается в 1627–1630 гг. как владение Троице-Сергиева монастыря: «136, 137 и 138 гг. к селу Никольскому погост на речке Шорноге, а в нем церковь каменная Христова муч. Никиты, да придел Сергия чудотв. от Литовскаго разоренья стоит пуста без пения...» [Холмогоров 1896, с. 117]. В писцовой книге Юрьев-Польского уезда 1644/1645–1646/1647 гг. дано следующее описание:

Живоначальные Троице Сергиева монастыря в вотчине: Село Никольское, Скоморохово тож, на речке на Шорноге <...> К селу Никольскому погост, а на погосте церковь камена Благовещение Пресвятыя Богородицы да предел преподобного Сергия Радонежскаго <...> А писана за Троецким Сергиевым монастырем та вотчина село Никольское, Скоморохово тож, да деревня Кожина да деревня Кикимаршь с пустошми по данным Ивана Григорьевича Нагово 81-го году да 91-го году... [Писцовая книга 2020, с. 335, 337, 340].

Как можно видеть, церковь первоначально носила посвящение во имя святого Никиты и пребывала в разоренном состоянии после Смутного времени. В 1631 г. храм был восстановлен и заново освящен во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, о чем свидетельствует надпись на антиминсе [Беляев 1852, с. 48]. И. Г. Нагой, упоминаемый в переписной книге – внук Иван Ивановича Нагого Слепого, погребенного в Благовещенском церкви. Он известен как воевода, служилый человек в составе Особого двора Ивана Грозного. С 1585/1586 г. служил в крепостях на восточной окраине Российского государства, затем в Сибири. В конце жизни попал в опалу, о чем будет сказано далее.

Согласно данной 1572/1573 г., И. Г. Нагой дал «в дом Живоначальные Троицы Сергеева монастыря к Благовещенью Пречистые Богородицы на Киржач строителю Тимону Боброкову с братею» село Новое Скоморохово с деревнями Кикомерша, Фефилово, Мистеферава, Домнино и другими угодьями в Тихотине стану Юрьев-Польского

уезда. Вклад был дан «по себе и по своей жене Марфе и по своих родителех впрок без выкупу» [РГАДА. Ф. 281. Д. 14577, л. 1].

В 1582/1583 г. И. Г. Нагой передал в монастырь другие владения в Тихотине стану Юрьев-Польского уезда: «вотчину отца своего Григория Ивановича благословение» селище Макарово, сельцо Кожино и деревню Сляднево, с пашней, лесом, лугом и со всеми угодьями. Вклад был дан «при своем животе по своей душе и по своей дочери по Офросинье» [РГАДА. Ф. 218. Д. 14588, л. 1].

Эти владения перешли в монастырь не сразу. В 1593/1594 г. И. Г. Нагой попал в опалу, его имущество, хранившееся в Москве на Пафнутьевском подворье было конфисковано, а вотчины в Тихотине стану Юрьев-Польского уезда отписаны «на государя» [Титов 1887, с. 6]. Вскоре, по челобитью властей Троице-Сергиева монастыря царь Федор Иванович распорядился передать эти вотчины в обитель (грамоты от 3 мая 1596 г. и 25 апреля 1597 г.) [ОР РГБ. Ф. 303/1. № 839, л. 1; № 840, л. 1]. Таким образом, выясняется, что И. Г. Нагой продолжал владеть вотчинами, переданными в монастырь, однако, они перешли к монахам еще при его жизни.

Судя по ранним датам надгробий в Благовещенской церкви (1537 и 1539 гг.), Новое Скоморохово к моменту передачи Троице-Сергиеву монастырю принадлежало Нагим не в первом поколении. Об этом также говорит то, что соседние с Новым Скомороховым селения Тимошкино, Новое Осино, Клобуково (Каблуково), Шимохтино принадлежали в XVI–XVII вв. разным представителям рода Нагих, а также их однородцам Собакиным [Холмогоров 1896, с. 118; Писцовая книга 2020, с. 323, 324]. Таким образом, формирование вотчины Нагих в Юрьев-Польском уезде относится, скорее всего, ко времени жизни их родоначальника Ивана Семеновича Нагого (вторая половина XV в.), либо к еще более раннему времени жизни его деда, Григория Андреевича, общего предка Нагих и Собакиных.

Благовещенская церковь (ее первоначальное посвящение св. Никите пока не находит своего объяснения) принадлежит к числу немногочисленных вотчинных храмов конца XV – первой половины XVI вв. В. В. Кавельмахер выявил шесть подобных памятников: церкви Рождества Христова в Юркино, Троицы в Чашниково, Благовещения в Сипягино, Покрова в Чиркино (все четыре в Подмосковье), Ильи Пророка в Ильинском (Калужская область) и Благовещения на Благовещенском погосте [Кавельмахер 1996]. К этому списку следует добавить Успенскую церковь в селе Иванищи (Старицкий район Тверской области), являвшуюся в XVI в. усыпальницей Поджогиных, Кашинцевых и Головиных, а также более ранний некрополь Квашниных и Тушиных в вотчинном Спас-Тушинском монастыре (первое погребение в нем отмечено в летописи под 1390 г.) [Баталов 1995].

Как показал В. В. Кавельмахер на примере Рождественского храма в Юркино, церкви-усыпальницы имели большую значимость для вотчинников. Дворяне Голохвастовы, предок которых в конце XV в. построил этот храм, вели за него борьбу в XVII в., прямо ссылаясь на то, что этот некрополь является их родовым наследием. В связи с этим возникают вопросы: 1) почему Благовещенская церковь-усыпальница ушла из рода в последней трети XVI в.; 2) почему, несмотря на это, здесь была погребена «девица» Евфросиния Ивановна Нагая, умершая 5 декабря 1596 г.?

Представляется, что переход вотчинной церкви-усыпальницы в Троице-Сергиев монастырь был связан со сменой коммеморативной стратегии в роду Нагих, соответствовавшей общей тенденции. Во второй половине XVI в. дворянство перешло от традиции погребения в вотчинных церквях-усыпальницах к созданию родовых некрополей в крупных монастырях – Троице-Сергиевом, Кирилло-Белозерском, Иосифо-Волоколамском, Чудовом, Симонове и других. Одной из причин, повлиявших на присоединение Нагих к новой традиции, возможно, было принятие монашества Михаилом Ивановичем Нагим в Троице-Сергиевом монастыре (сын И. И. Нагого Слепого). Его примеру последовал брат Григорий, в иночестве Герман, который тоже похоронен

у Троицы. Его сын, Иван Григорьевич Нагой, также намеревался упокоиться в Троице-Сергиевом монастыре («А как <...> судом Божиим меня, Ивана, в животе не станет и положите меня, Ивана, по моему обещанию в дому Живоначальные Троицы в Сергиеве монастыре подле отца моего...») [Титов 1887, с. 8]. Он отдал родовую церковь-усыпальницу в эту обитель, чем, возможно, хотел обеспечить связь между всеми его предками, оказавшимися таким образом под покровом преподобного Сергия Радонежского.

Девица Евфросинья Ивановна Нагая умерла 5 декабря 1596 г., когда ее отец был вторым воеводой в Тюмени. Вскоре после этого И. Г. Нагого «было велено отпустить в Казань» [Разрядная книга, с. 514]. Когда воевода со скорбной ношей – колодой с телом дочери, – прибыл в Казань, там его настигла новая, более жесткая опала. Скорее всего, это произошло осенью 1597 г. И. Г. Нагой был сослан в Вологду, а затем в свою тверскую вотчину, где, вероятно, вскоре умер. Скорее всего, этими тяжелыми для семьи обстоятельствами объясняется то, что девица Евфросинья Ивановна была похоронена в Благовещенской церкви. Жена Нагого, Анна, была вынуждена принимать решение о месте погребения Евфросинии, исходя из недостатка средств. Тогда могла быть достигнута договоренность с властями Троице-Сергиева монастыря об упокоении девицы в родовой церкви-усыпальнице, перешедшей во владение обители святого Сергия, но сохранявшей связь с прежними владельцами.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

ОР РГБ. Ф. 303/1. № 839.

ОР РГБ. Ф. 303/1. № 840.

Разрядная книга — Разрядная книга 1475–1598 гг. / Подг. текста, ввводн. ст. и ред. В. И. Буганов. М.: Наука, 1966. 616 с.

РГАДА. Ф. 218. Д. 14588.

РГАДА. Ф. 281. Д. 14577.

Литература

Баталов 1995 — Баталов А. Л. К истории Спас-Тюшинского монастыря на реке Сходне. Церковь Андрея Стратилата конца XVI в. // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. Вып. II. М., 1995. С. 141–145.

Беляев 1852 — Беляев Г., свящ. Древности Благовещенского погоста // Записки Императорского Археологического общества. Т. 4. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1852. Отд. II. С. 46–49 (отд. паг.).

Дзисько 2015 — Дзисько А. М. Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы Благовещенского погоста (XVI века). Исследования, реконструкция первоначального облика // Образ христианского храма. Сборник статей по древнерусскому искусству к 60-летию А. Л. Баталова. М., 2015. С. 401–415.

Добронравов 1895 — Добронравов В. Г. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии: Вып. 2. Переславский и Александровские уезды. Владимир: Типо-литография В. А. Паркова, 1895. 520 с.

Кавельмахер 1996 — Кавельмахер В. В. К вопросу о времени и обстоятельствах постройки церкви Рождества Христова в Юркине // Памятники культуры. Новые открытия. М.: Наука, 1996. С. 421–436.

Писцовая книга 2020 — Писцовая книга Юрьев-Польского уезда кн. Г. А. Шехонского, подьячих П. Васильева и Р. Бекетова 1644/45–1646/47 годов: Исследование и тексты / Сост. К. И. Гусынкин. М.; СПб.: Гнозис, 2020. 534 с.

Титов 1887 — Титов А. А. Нагая слобода (Ростовского уезда) и ее окрестности. Ярославль: Тип. Губ. правл., 1887. 10 с.

С. Ю. Шокарев

Холмогоров 1896 — Холмогоров В. И. Материалы для истории Владимирской епархии: Вып. 4. Юрьевская десятина жилых данных церквей и пустовых церковных оброчных земель. Владимир: Тип. Русского Товарищества, 1896. 170 с.

Сведения об авторе

Сергей Юрьевич Шокарев, кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Лаборатории древнерусской культуры
ШАГИ ИОН РАНХиГС
119571, Москва, проспект Вернадского, д. 82
shokarevs@yandex.ru

S. Yu. Shokarev

TOMB OF THE NAGIE IN THE CHURCH OF THE BLAGOVESHENSKY POGOST (16TH CENTURY)

Abstract

The article is devoted to the study of the tomb of the Nagie in the Blagoveshenskaya church of the XVI century (Kolchuginsky district of Vladimir region). Three tombstones with epitaphs are described, their attribution is given, the circumstances of the formation of this tomb are considered.

Keywords

necropolis, commemoration, funeral rite, Nagie

**Человек и власть
в эпоху русского Средневековья**

Материалы международной конференции
«Человек и власть в эпоху русского Средневековья»
23–25 ноября 2023 г.

Сборник научных статей

Редакционная коллегия:

Ф. Б. Успенский (Россия, Москва, отв. редактор)

А. А. Преображенская (Россия, Москва), А. Г. Флорес (Россия, Москва)

Оригинал-макет и оформление
А. Г. Флорес

Электронное издание

Формат 210 × 297 мм
Гарнитура Times New Roman

